

Джордж Райт

Газета

Томас Франджони не получил вовремя свою ежедневную газету.

Обычно, когда он вставал в туалет во второй раз за ночь (в его 74 его мочевого пузыря работал как часы - в том смысле, что исправно будил Томаса в 2:30 и в 5:30), газета уже лежала на полу под дверью, и на обратном пути Франджони заходил в прихожую, чтобы подобрать ее. Затем шел с ней обратно в кровать, забирался под одеяло, подоткнув подушку под голову, надевал очки и штудировал газету от главных новостей на первой странице до юмористических комиксов на последней. При этом внимательно он прочитывал лишь три-четыре статьи, а остальные скорее просматривал - но все же это занятие отнимало у него полтора часа и навевало достаточно сонливости, чтобы, покончив с комиксами, вновь блаженно откинуться на подушку и спать уже без всяких помех до десяти, а то и до одиннадцати утра. Когда вы на пенсии, вам некуда торопиться, вы понимаете.

Этот ритуал был неизменным на протяжении уже доброго десятка лет, и поэтому, не обнаружив газеты на положенном месте под щелью для почты во входной двери, Франджони почувствовал изрядное раздражение. Он даже потоптался некоторое время на месте, надеясь, что припозднившийся курьер все же исполнит свои обязанности, повздыхал, покряхтел - но, так ничего и не дождавшись, поплелся обратно в спальню.

Он подумал даже, уж не проснулся ли он сегодня раньше обычного - но нет, часы на прикроватном столике показывали 5:42. Вообще-то крайним временем доставки газет было 6 утра, но Франджони специально указал при подписке, чтобы ему доставляли не позже 5:30. И до сего дня всегда так и было. Но все же это было пожелание, а не требование, не дававшее ему формального права жаловаться. Разве что - оставить нерасторопного курьера без чаевых, но Томас и так никогда их не давал, полагая, что и без того платит за подписку более чем достаточно для человека, вынужденного на одну свою пенсию в одиночку содержать дом.

Некоторое время он ворочался, пытаясь уснуть, но без ежедневной дозы "Барлингтон Бюллетень" из этого ничего не получалось. Подушка нагрелась, казалось, с обеих сторон, под одеялом было душно, но и вставать не было совершенно никакого желания. Томас знал, что, если не доспит свое, то потом весь день проведет вялым и разбитым, да и делать в такую рань - кроме как читать газету, разумеется - было решительно нечего. Пользоваться снотворным Франджони всячески избегал, боясь подсесть - да и смешно принимать снотворное под утро.

Когда Томас, не выдержав, все же открыл глаза, на часах было 6:18. И Франджони был уверен, что газету ему так и не доставили. Он оставил дверь спальни открытой и услышал бы, как она шлепается на пол.

Все же он нехотя поднялся, сунул ноги в тапки и сходил проверить. Под дверью действительно ничего не было.

С чувством некоего даже мстительного удовлетворения Франджони уселся в кресло и придвинул к себе телефон. Он ужасно не любил современные автоматизированные системы с их голосовыми меню, но этот парень должен получить по заслугам. Пусть-ка его теперь оштрафуют или что там с ними делают.

- Здравствуйте, вы позвонили в службу поддержки подписчиков "Барлингтон Бюллетень". Если вы хотите продлить или оформить подписку, нажмите 1. Если у вас возникли проблемы с доставкой, нажмите 2. Если...

Узловатый палец Франджони уже жал "2". Не дав автомату зачитать весь список возможных проблем - газета не доставлена, доставлена поздно, доставлена мокрой или поврежденной и т.д. - он выбрал самую первую опцию. А когда система дала ему возможность оставить дополнительный комментарий, ядовито сообщил, что, если он не будет получать

газету не позднее 5:30 ежедневно, то отпишется. Разумеется, это был блеф - Франджони был подписан на "Бюллетень" с незапамятных времен и не представлял себе утро без обязательного ритуала - но едва ли угроза потерять старого подписчика понравится боссу того парня. Хотя, наверное, из-за одной жалобы его все же не уволят... но Франджони в этот момент был так зол на курьера, что ему хотелось верить в обратное.

Затем он вернулся в кровать и некоторое время щелкал пультом от телевизора - как и следовало ожидать, в эти утренние часы там не было ничего подходящего; молодые люди обоего пола в хороших костюмах и с тщательно ухоженными прическами что-то вещали бодрыми голосами, помогая Америке проснуться, а вовсе не решить прямо противоположную задачу, да еще на паре каналов крутились детские мультики. Без толку проворочавшись в постели еще не меньше часа, в конце концов Томас все же умудрился заснуть.

Проснулся он далеко за полдень и, как и следовало ожидать, с тяжелой головой. Подниматься не хотелось, но Франджони по опыту знал, что, если этого не сделать, дальше будет только хуже. Вяло поплескав холодной водой в лицо (особого облегчения это не принесло), он поплелся на кухню. Кофе он не пил принципиально, опасаясь за сердце, и крепкого чая на всякий случай тоже - так что, как обычно, вытряс из коробки в тарелку хлопья и залил их молоком. В хорошие дни это был вполне подходящий завтрак, но нынче Томас доел его чуть ли не с отвращением - попутно отметив, что молока осталось последние полпакета. Голова, само собой, не прошла, хотя и не болела настолько, чтобы оправдать прием таблетки (с тех пор как Франджони прочитал, в каких муках умирают при передозировке парацетамола, таблеток от головной боли он избегал еще старательнее, чем снотворного). Томас тоскливо посмотрел в окно. Погода не радовала - конец октября, как-никак - но, по крайней мере, дождя не было и, похоже, в ближайшее время не ожидалось. Что ж, можно немного пройтись. Тем более что все равно надо купить молока, да и хлеб тоже заканчивается. Обычно в такие хмурые холодные дни он заказывал доставку из "Волмарта" на другом конце города, но, раз уж ему все равно нужно проветриться, можно сходить в "Олди", тем более что это обойдется дешевле, а идти даже его небыстрым шагом всего минут пятнадцать.

Выйдя на крыльцо, Томас увидел газету.

Она лежала на верхней ступеньке, перетянутая резинкой. Выходит, ему ее все-таки доставили. Только бросили на крыльцо вместо того, чтобы просунуть в щель для почты.

Разумеется, Франджони ни на секунду не пожалел о своей жалобе и уж тем более не подумал о том, чтобы позвонить и отменить ее. Да, обычно курьеры кидают газету именно на крыльцо, но ведь он ясно указал, куда ему доставлять его "Бюллетень". И если этот парень проигнорировал столь недвусмысленное указание, он сам виноват. До сих пор, однако, ни разу не игнорировал... Возможно, это новый курьер? Или старый решил намекнуть таким образом насчет чаевых? Ну уж нет, не дождется! Уж за плохую работу - тем более нет, это просто наглость! А новый или старый - указания они все наверняка получают одинаково.

Подбирать газету Томас не стал, решив, что сделает это на обратном пути.

Однако, когда сорок минут спустя он вернулся обратно уже в заметно лучшем настроении - прогулка все-таки улучшила его самочувствие, и к тому же в "Олди" была акция, позволившая ему сэкономить полтора доллара - газеты на крыльце не оказалось. Франджони даже обошел вокруг крыльца, высматривая, не сбросил ли ее ветер - хотя для этого понадобился бы настоящий ураган. Но, как и следовало ожидать, газеты нигде не было. Очевидно, ее украли. Франджони с трудом представлял себе, как можно пасть столь низко, чтобы воровать с чужого крыльца газету стоимостью в один доллар, но он слышал, что иногда такое случается. И какая к тому же наглость - сделать это среди бела дня! Хотя... если кто и видел вора, полиция ведь не станет затевать расследование по столь ничтожному поводу. Что ж - тем более веская причина требовать доставки через щель. Войдя в дом и сняв пальто, он вновь позвонил в службу

доставки и оставил комментарий, подчеркивающий это требование.

Следующей ночью, выходя из туалета в половине третьего, он услышал звук мягкого падения в прихожей.

Выглянув туда, он убедился, что ему не послышалось. Свежая газета лежала на полу под дверью. Выходит, на сей раз ее доставили даже раньше, чем всегда - обычно это происходило где-то между первым и вторым Туалетным Походом. Возможно, парню и в самом деле сделали хороший втык. А может, даже действительно уволили и взяли нового. Из-за одной жалобы, конечно, этого произойти не могло - но кто знает, вдруг он вчера подвел не только Томаса, но и других подписчиков?

Так или иначе, теперь его газета была на месте. Но она не нужна была ему прямо сейчас. После первого Туалетного Похода он засыпал без посторонней помощи. Нет, она понадобится только после Второго. Тем не менее, раз уж он все равно вышел в прихожую, он подобрал газету, чтобы отнести ее на прикроватный столик.

И едва не выпустил ее из рук. Ему совсем не понравилось ощущение того, к чему он прикоснулся. Во-первых, газета была *холодной*. Конечно, там, за дверью, была промозглая октябрьская ночь, наверное, никак не больше 40 по Фаренгейту, но бумага такой холодной не бывает, даже если внести ее с мороза. Это же не железо, в конце концов. А во-вторых - по крайней мере, в тех местах, которых коснулись указательный и средний пальцы Томаса - она была еще и влажной... нет, не просто влажной - слегка скользкой и липкой. Словно... (эта ассоциация, совершенно неуместная, тем не менее возникла в голове Томаса очень ясно)... словно он трогал не бумагу, а кожу полуразложившегося мертвеца, только что извлеченного из-под земли... или из-под воды.

"Чушь", - сказал себе Франджони. "Чертов парень просто уронил газету в сырую траву, вот и все."

Некоторое время он думал, не позвонить ли с еще одной жалобой - на сей раз на мокрую газету - но затем решил, что все же не стоит быть таким придирчивым. Бумага не была сырой насквозь - лишь слегка влажной, и если бы он подобрал ее, как обычно, в 5:30, то ничего бы не заметил - к тому времени она давно бы высохла. Чувствуя удовлетворение от собственной справедливости, он отнес газету на столик и улегся в постель.

Когда мочевого пузыря потребовал своего во второй раз, Томас первым делом попытался нашарить в темноте лежавший на столике "Бюллетень". Желание убедиться, что это самая обыкновенная бумага, оказалось неожиданно сильным; впрочем, на миг у Франджони мелькнула мысль, что на самом деле он никакой газеты вообще не подбирал и все это ему просто приснилось. Но нет, она лежала тут, на столике - и, конечно, на ощупь была столь же обычной, как и тысячи ее предшественниц. Успокоенный, Томас отправился в свой Второй Поход, а по возвращении включил лампу, надел очки и приступил к своему обычному ритуалу. Как, наверное, и во всякой местной газете, заголовки на первой полосе "Барлингтон Бюллетень" в разные дни оставались неизменными по стилю, но при этом очень сильно варьировались по содержанию. С одинаковым энтузиазмом газета информировала читателей и о сенсациях мирового и национального масштаба (если таковые имели место), и (в отсутствие таковых, что случалось гораздо чаще) о рождении медвежонка в барлингтонском зоопарке или урожае тыкв у местных фермеров. Причем, если новости мирового уровня обычно сходили с первых полос уже на следующий день, то какие-нибудь истории со вскрывшимися финансовыми махинациями местного суперинтенданта или превышением уровня асбеста в местной средней школе могли тянуться неделями, по мере того, как расследование скандала подбрасывало новые подробности, а оправдывавшиеся или каявшиеся городские чиновники делали новые заявления.

Вот и на этот раз материалы первой полосы выглядели скучно (что, впрочем, вполне устраивало Франджони, совсем не жаждавшего острых переживаний). Здание старой обувной

фабрики (закрывшейся двадцать лет назад и с тех пор зиявшее выбитыми стеклами прямо напротив детского парка на Мэпл Стрит) будет, наконец, демонтировано - город достиг соглашения с его владельцами; очередной раунд дебатов между сторонниками и противниками бурения окончился ничем (эти дебаты тянулись уже шесть лет, с тех пор, как в округе обнаружили газовое месторождение; аргументы сторон оставались неизменными, "прибыль и новые рабочие места" - "вред для экологии", и добрый десяток экспертиз, проведенных за это время и в основном показавших беспочвенность экологических страхов, не сдвинул ситуацию ни на йоту - "Мы не знаем, что может вырваться из-под земли на этот раз", патетически заявил на дебатах лидер местных "зеленых"); в городском совете Барлингтона состоялось обсуждение налоговой реформы, предложенной мэром Дрэйзеном...

Эту заметку Франджони стал читать подробнее. От налоговой реформы он не ждал ничего хорошего. Город давно уже испытывал серьезный бюджетный дефицит (как, впрочем, и страна в целом, и что вообще идет хорошо в наши дни?), и, как водится, демократы предлагали решить проблему поднятием налогов, республиканцы - сокращением социальных выплат и муниципальных должностей (включая не только городских чиновников, но и полицию, штаты которой предлагалось урезать чуть ли не на треть).

Франджони не устраивали оба варианта. Он предпочел бы, чтобы вообще ничего не менялось - в конце концов, с чего бы это вдруг у величайшей в мире страны перестало хватать денег, если их всегда хватало раньше? - но планы демократа Дрэйзена пугали его больше. Если они поднимут налоги на недвижимость, из каких шишей, по их мнению, он будет платить за собственный дом? Поэтому, неприязненно скользнув взглядом по обычному бла-бла-бла мэра про "жертвы, необходимость которых мы все понимаем", он принялся с надеждой читать, что там заявила в городском совете кандидат в мэры от республиканцев Дебора Рид:

"Глубоко неверно, как делают наши оппоненты, сводить нынешние трудности к одним лишь экономическим аспектам. Тем самым мы игнорируем более глубокие причины, коренящиеся в падении моральных устоев нашего общества. Если бы не падение нравов среди молодежи, не ведущаяся уже десятилетиями пропаганда добрачных сексуальных отношений, контрацепции и абортов, мы вполне могли бы вернуться к ежегодному налогу в одну (См. НАЛОГИ на странице 5А)"

"В одну что?", недоуменно подумал Франджони, перелистывая страницы. Если бы речь шла о процентах, там стояло бы число с процентным значком. Или, может, имеется в виду что-то типа "в одну треть от нынешних"? Нет, слишком уж оптимистично. И главное, при чем тут нравы молодежи (которые, впрочем, Томас тоже решительно не одобрял)? Ага, вот продолжение:

"НАЛОГИ

(Начало на стр. 1А)

девственницу с улицы", заявила миссис Рид. В ответ на это советник мэра ..."

Франджони оторопело поморгал. Может быть, это продолжение другой статьи? Да нет, вот же написано - "НАЛОГИ". Тогда, может, он пропустил фразу? Или даже целый абзац? Он вновь перелистнул газету в начало, потом опять на пятую страницу. Нет, все именно так: "Мы вполне могли бы вернуться к ежегодному налогу в одну девственницу с улицы".

Видимо, фразу или абзац пропустили в типографии, решил Томас. Он, правда, никогда прежде не видел в "Бюллетене" настолько серьезных опечаток - но, раз уж все портится, от мировой экономики до работы курьера... Франджони скорчил раздраженную гримасу и попытался читать статью дальше, надеясь все же понять, что на самом деле предложили республиканцы.

Но понял лишь то, что его разумная гипотеза не выдерживает критики.

Слова о "необходимых жертвах" не были фигурой речи. В статье *действительно* обсуждались человеческие жертвоприношения. Как можно было понять из контекста, для них

совсем не обязательно требовались девственницы, но снижение качества жертв необходимо было компенсировать их количеством. Обсуждалось все это спокойно и деловито, как всем привычная и само собой разумеющаяся вещь. Как... налоги, да.

Растерянный взгляд Франджони скользнул на соседнюю заметку.

"ФАБРИКА

(Начало на стр. 1А)

дюжин детей было потеряно в подвалах фабрики только за последние десять лет. Все попытки установки защитных ограждений оказывались неэффективными. В конце концов под давлением разгневанных родителей городские власти вынуждены были начать новые переговоры с Хозяевами, которые завершились соглашением в минувшую среду. Детали сделки не разглашаются, хотя, судя по всему, городу пришлось заплатить значительную цену. "По крайней мере, теперь этот кошмар позади, - заявил преп. Полстер, возглавлявший городскую комиссию на переговорах. - Это все, что я могу вам сказать, и молитесь за то, чтобы не узнать большего." Как ожидается, снос здания фабрики начнется в ближайшее новолуние. Жителей близлежащих домов просят проявлять осторожность, а автомобилистов выбирать пути объезда."

Эта статья выглядела не так дико, как предыдущая, и если бы Франджони прочитал ее первой, то, вероятно, не обратил бы на нее особого внимания - но теперь он задумался о странностях. Фраза насчет "молитесь" могла, конечно, быть обычной иронией, но ведь "преп." - значит "преподобный". Почему комиссию по чисто хозяйственному вопросу выкупа недвижимости возглавлял священник? Опять же, что значит фраза о детях, которые "были потеряны"? Сначала он понял ее так, что дети заблудились, играя в подвалах огромного заброшенного здания. Мальчишек всегда привлекают подобные места, и никакие ограждения не способны их остановить, тут автор статьи прав. Но - долго ли можно блуждать в подвалах, даже погруженных в вечную темноту? Это все-таки не лес и не целый город. Не может быть, чтобы дети, достаточно взрослые, чтобы гулять без родительского присмотра, не смогли найти оттуда выход самостоятельно. Но если они его нашли - что стало причиной гнева родителей? Взрослые бы даже не узнали, что их чада нарушили запрет и лазили в такое место... Где-то там во мраке произошел несчастный случай? *Дюжины несчастных случаев?*

Франджони не слышал и не читал ни об одном из них - что, конечно, делало версию невероятной: если бы в таком небольшом городе, как Барлингтон, пострадал хоть один ребенок, Томас наверняка узнал бы об этом если не от соседей, то из "Бюллетеня". И все же он почувствовал иррациональную уверенность, что "было потеряно" следует понимать буквально. Ни один из этих детей не вернулся из подвалов фабрики - ни сам, ни с помощью спасателей. Не были найдены даже тела. Все они просто... исчезли там.

И слово "Хозяева", напечатанное с большой буквы, означает не просто владельцев заброшенной и разрушающейся недвижимости. Скорее его следует интерпретировать как "Владыки" или "Властины"...

Бред, тряхнул головой Франджони. За окнами по-прежнему было темно, и теперь он точно знал, что не заснет. *Не отважится* выключить свет и закрыть глаза (кто сказал, что зажмуриться - лучшее лекарство от страха? Томас с детства знал, что так, когда не видишь, становится только страшнее). Но что же все это значит?!

Он вновь перевернул газету на первую страницу. Что там еще было - кажется, про бурение... "мы не знаем, ЧТО ЕЩЕ может вырваться из-под земли..." А может, это вовсе и не газета? Недаром же ее доставили в необычное время. Может, это рекламная акция какого-нибудь нового фильма ужасов?

Нет, вверху стояли привычные буквы "Барлингтон Бюллетень". Ниже дата: "Четверг, 31 октября 2013"

Черт, ну конечно же! Хэллоуин! Франджони совсем забыл об этом. То есть, конечно, не совсем забыл - попробуй забудь, когда три четверти домов на твоей улице украшены тыквами,

тряпичными привидениями и искусственной паутиной - но вся эта бутафория начала появляться еще несколько недель назад, а за точными датами Франджони перестал следить с тех пор, как вышел на пенсию. Сам праздник он не любил с детства. Его родители, строгие евангелисты, считали обычаем наряжаться нечистью "сатанистским", и, естественно, вечером 31 октября дверь их дома оставалась запертой - как для детворы снаружи, так и для маленького Томми изнутри. Лишенный возможности веселиться и собирать конфеты вместе с другими, Томми поневоле проникался угрюмой ненавистью и к самому развлечению, и к его участникам. Строгое воспитание, впрочем, не сделало его столь же ортодоксальным в вере - женившись на Марджори (ныне уже семь лет как покойной), он с легкостью перешел в католичество, а в последние годы и вовсе считал себя агностиком - как не раз бормотал он, читая газету или смотря новости по телевизору, "и они хотят сказать, что все *вот это* творится по воле всемогущего и всеблагого бога?" Тем не менее, к Хэллоуину он по-прежнему относился отрицательно, полагая, что это дурной обычай, который учит детей попрошайничать и хулиганить. Своих детей у них с Марджори никогда не было, о чем сожалела она, но не он. (В конце концов, когда давно миновали уже все отпущенные природой сроки, в ее матке все же начало кое-что расти... но это не было дитя. Томас порою думал, что если бы она не мечтала о ребенке так упорно, то не вынянчила бы его зловещий антипод, убивший ее в неполные 63).

Соответственно, и дети окрестных домов знали, что стучаться в дверь дома номер 7 по Шиллер Стрит бесполезно. Никаких обещанных традиционной присказкой "гадостей" они не делали - времена безнаказанных шалостей канули вместе с эпохой, когда не было ни мобильных телефонов, ни бдительных мамаш, видящих педофила в каждом посмотревшем в сторону детской площадки незнакомце - просто обходили этот дом стороной. Впрочем, надо отдать должное этим мамашам, в последние годы и другие дома слышали под дверью классическое "Сладость или гадость!" все реже. Позволять маленькому ребенку без присмотра ходить по соседям, да еще и на ночь глядя - нет, что вы. Пусть лучше посмотрит мультики про Хэллоуин по телевизору.

Но, в любом случае, все празднотшания (как определял их Франджони) должны были начаться лишь вечером. А сейчас было только раннее утро, если судить по часам, а если по темноте за окнами, то и вовсе ночь, и Томасу подсознательно казалось, что прошлый день все еще не завершился. Но с точки зрения газеты, даже если она и была напечатана чуть раньше полуночи (так это или нет, Томас не знал), было уже, конечно, полноценное 31 число.

Франджони неодобрительно пожевал губами. В прежние годы "Бюллетень" такого себе не позволял - ни в Хэллоуин, ни даже в День Апрельского Дурака. На странице комиксов, пожалуйста, шутите сколько угодно, но в серьезных статьях? Опять какие-то дурацкие нововведения. Все зло в мире от нововведений... ну, почти все.

Он снова принялся переворачивать страницы. Разворот, целиком посвященный некрологам, он всегда пролистывал, не глядя, и с максимальной поспешностью; хотя некоторые в старости приобретают особый, даже болезненный интерес к теме смерти, Франджони, напротив, старался избегать любых упоминаний этой темы. Но его взгляд против его воли скользнул по странице и, прежде чем Франджони успел ее перелистнуть, зацепился за одно из имен: Комбопьяно, Энтони Ф.

Томас мысленно вздрогнул и почувствовал холод в животе. Тони Комбопьяно, живший по соседству, был ему не то чтобы близким другом - таковых у Франджони не было - но, по крайней мере, добрым приятелем на протяжении многих лет. Когда-то они ездили вместе на рыбалку, а их жены тоже дружили, и обе пары регулярно приглашали друг друга на обед (и Марджори, и Эмма Комбопьяно любили готовить, но Эмма, надо отдать ей должное, делала это особенно хорошо - в особенности ей удавались мясные блюда). Но с возрастом оба приятеля утратили вкус к путешествиям на природу, а после смерти Марджори нарушилась и традиционная симметрия взаимных визитов. В первый месяц после похорон соседи, правда,

зазывали к себе Томаса даже чаще прежнего, считая, как видно, своим долгом поддержать его в это нелегкое для него время, но, кажется, обеими сторонами это воспринималось именно как долг; прежняя непринужденная атмосфера ушла, и визиты сами собой сошли на нет. Все же, встречаясь где-нибудь на улице, Томас и Тони останавливались поболтать. Из этих разговоров Франджони знал, что, в отличие от него самого, оставшегося в старости в полном одиночестве, ситуация в доме его соседа прямо противоположная - экономический кризис вынудил его сына с семьей (женой и двумя детьми) вернуться под родительский кров. Места на всех вроде бы хватало, и в разговоре Тони бодрился, повторяя что-то вроде "вместе веселее", но Франджони сомневался, что тот и в самом деле так уж доволен происходящим. Возможно, Эмма, похоже, и впрямь не чаявшая души во внуках, но не Тони, желавший на старости лет тишины и спокойствия.

И вот, выходит, теперь он обрел вечный покой.

"Энтони Комбопьяно, 73, 28 октября упокоился в муках в своем доме..."

Томас моргнул. Как видно, ему показалось под влиянием всех этих прочих заметок. Должно быть - "упокоился в мире". И даже если Тони умер от рака или чего-то в этом роде - хотя, когда они виделись в последний раз, он не выглядел больным - так все равно не пишут. Написали бы что-то вроде "покинул нас после тяжелой болезни". Томас стал читать некролог сначала.

"...упокоился в муках в своем доме на Шиллер Стрит. Он был съеден своей женой Эммой, своим сыном Майклом, своей невесткой Лайзой, своими внуками Дэннисом и Вэлери и своим котом Чаком."

На сей раз никаких сомнений и опечаток быть не могло. Вместо обычного "пережит" было четко напечатано "съеден". Совсем другой глагол.

Дальше шло несколько обычных биографических строк, как в нормальном некрологе, а затем: "Светлая память о его мясе сохранится в наших желудках. По решению семьи похоронная служба проводится не будет."

Франджони с проклятием отшвырнул газету. Нет, это уж слишком! Конечно же, это все идиотские хэллоуинские шуточки, но на этот раз они зашли чересчур далеко! Одно дело - придумывать истории про анонимных пропавших детей и принесенных в жертву девственниц, и совсем другое - использовать для своих розыгрышей реальную семью! Уж если ему, Франджони, так неприятно это читать, то каково будет прочесть это Тони и остальным Комбопьяно! На их месте он подал бы в суд и отсудил кругленькую сумму за моральный ущерб! В конце концов, у старого человека от такой заметки и вовсе может случиться сердечный приступ!

Томас почувствовал, что его собственное сердце колотится чересчур сильно, и велел себе успокоиться. Через пару минут к нему вернулась способность рассуждать здраво. Едва ли "Бюллетень", всегда бывший приличной газетой, а не таблоидом, рискнул бы и впрямь нарываться на иск. Наверное, эта шутка согласована с Комбопьяно. В конце концов, обычные некрологи в газету посылают родственники покойного - вероятно, так было и здесь, это идея самой семьи. И Тони, соответственно, в курсе. Хотя, может, и нет. Может, это проказа его внуков, не понимающих, какие забавы допустимы, а какие - нет. По телефону в редакции вполне могли принять детский голос за голос Эммы...

Но в любом случае, настроение Франджони было испорчено окончательно. Он даже не стал смотреть остальные рубрики, а сердито смял газету и, выбравшись из кровати, отнес ее в корзину для мусора. Затем прошаркал тапками на кухню, зная, что теперь уже точно не уснет сам, и все-таки принял снотворное. В надежде, что оно не просто позволит ему оставить все это по ту сторону сна, но и избавит от сновидений.

Он снова проснулся после полудня, но на сей раз чувствовал себя лучше, чем накануне.

Завтракая, он даже подумал, уж не приснились ли ему все эти гадкие заметки. Может быть, настоящая газета все еще лежит в прихожей? Или даже вновь на крыльце, если курьер оказался еще тупее, чем он думал?

Но нет. Смятая газета лежала в мусоре поверх картонной упаковки из-под хлопьев, какого-то рекламного каталога и прочего бумажно-картонного хлама, пригодного для переработки. При желании Томас мог бы достать ее и убедиться, что прочитанные им ночью статьи по-прежнему на своих местах и выглядят точно так же, как и прежде - но такого желания он не испытывал. Напротив, он хотел окончательно избавиться от этой пакости как можно скорее. Завтра пятница, значит, как раз с утра приедет мусоровоз. Вот и хорошо. Повод вынести весь мусор на улицу. Обычно он делал это в четверг вечером, но какая разница?

Вытряхнув корзину в желтый контейнер со значком переработки на боку, Франджони повернулся, чтобы вернуться в дом - но задержался на крыльце, глядя в сторону дома Комбопьяно. С крыльца на него злобно скалилась здоровенная тыква. Ну понятно - если в доме дети, без хэллоуинских украшений не обойдется... Ему вдруг подумалось, что он и в самом деле не видел Тони несколько дней. В этом не было ничего необычного, теперь они порою не пересекались по неделе или больше - тем более в такую промозглую погоду, когда на улицу выходишь лишь по необходимости - и все же в животе неприятным щекочущим чувством разлилась тревога. Какое там было указано число? Кажется, 28?

Словно почувствовав взгляд Франджони, дверь соседнего дома открылась, и оттуда вышла Эмма. В руке у нее лоснился черный пластиковый мешок. Как видно, она тоже решила сегодня вынести мусор пораньше.

- Привет, Эмма! - Франджони помахал ей рукой и пошел в ее сторону, чтобы не кричать.

- Привет, Том, - она, похоже, только сейчас его заметила. - Как ты?

- Хорошо, - по привычке ответил Томас, хотя это была неправда, - а ты?

- Хорошо, - ответила она, опуская мешок в высокий бак для пищевых отходов. Она делала это с усилием - мешок явно был довольно тяжелым.

- А как Тони? - продолжал светский ритуал Франджони.

- Тони? - показалось ли ему, или ее голос и впрямь прозвучал несколько нервно? - С ним все в порядке. Немного приболел...

- Вот как? - Томас ускорил шаг. - Так, может, я зайду его навестить?

- Нет, - ответила Эмма как-то слишком поспешно.

- Нет? Почему нет? - Франджони уже почти подошел к ее крыльцу. Эмма стояла двумя ступеньками выше и смотрела на него сверху вниз.

- Я имею в виду, что его нет дома.

- Вот как? - повторил Томас. - Настолько плохо? Он в больнице?

- Да нет, я же говорю, с ним все в порядке. Он просто уехал...

- Куда он мог уехать, если он болен?!

- Не он, - теперь в голосе Эммы явственно звучало раздражение. - Ты просто не расслышал. Это его брат болен, а Тони поехал его навестить.

- Брат? - подозрительность Томаса нарастала с каждым новым ответом. - Тони никогда не говорил мне, что у него есть брат.

- Не родной брат. Кузен. В... Канзасе.

- Так Тони улетел в Канзас? И когда он вернется? - теперь Франджони стоял у подножья крыльца. Эмма шагнула еще на ступеньку вверх, словно не желая подпускать его ближе.

- Не знаю. Когда его кузену станет лучше. Том, извини, мне надо идти. У меня там обед подгорит, - она повернулась к двери.

- Ты читала сегодняшней "Бюллетень", Эмма?

- Мы отписались еще несколько месяцев назад. Майки все новости узнает из интернета, а нам с Тони тоже стало как-то не до того. Ты понимаешь, дети и все такое... - она взялась за

дверную ручку. В этот момент Томаса осенила идея, достойная сыщиков из сериалов:

- Эмма!

- Что? - она вновь обернулась, глядя на него уже с откровенной неприязнью.

- У тебя сзади кровь на платье.

- Где? - это утверждение явно застало ее врасплох еще больше, чем все предыдущее, и она принялась вертеться, пытаясь заглянуть себе за спину - что при ее лишнем сорока фунтах было затруднительно. - Это... - бормотала она, - это, должно быть, когда я резала мясо, и...

Наконец ей удалось перетянуть подол на бок так, что ткань чуть не затрещала, и скосить глаза, едва не свернув толстую шею: - Где?! Ничего нет.

- Я пошутил, - осклабился Франджони. - Сегодня же Хэллоуин.

- Да, разумеется, - ответила она сердито, но в то же время с облегчением, - дети уже третий день возятся со своими костюмами, но уж ты, Томас, мог бы быть и повзрослее! - она вошла в дом, громко хлопнув за собой дверь.

Франджони остался один. Он посмотрел на черный мешок в мусорном баке. Сбоку под пластиком что-то выпирало. Что-то, похожее на... ребра, да.

"Глупости, - сказал себе. - Даже если это и ребра, то коровьи."

Хотя коровьи, наверное, должны быть крупнее.

"Ну значит, свиные. Или... вообще никакие это не кости, а... ветки, да. Обрезанные ветки."

Мешок был в каком-то ярде от него. Достаточно развязать горловину и заглянуть внутрь...

Но как будет выглядеть он, Томас Франджони, среди бела дня на глазах у всей улицы роющийся в чужом мусорном баке?

Тем более что все это полная чушь. Ну не могла же Эмма в самом деле... они прожили с Тони полвека, да и вообще...

Дети, конечно же. Эти, как их, Дэннис и Вэлери. За что-то обиделись на дедушку... наверное, он прикрикнул на них, чтобы вели себя тише... вот и решили отомстить, дав такое объявление. Глупые, гадкие дети. Хорошо все-таки, что у них с Марджори никогда их не было.

И все же, шагая обратно к своему дому, Франджони поймал себя на том, что всерьез обдумывает, можно ли вкусно приготовить мясо старика. Наверное, если достаточно долго его отмачивать... а потом тушить на медленном огне со всякими приправами... во всяком случае, если кто и может справиться с такой задачей, то именно Эмма. Ему представилось, как он обсудил бы эту тему с Тони: "Как думаешь, Эмма сумела бы совладать со старым человеческим мясом?" "О да! - ответил бы Тони с преувеличенно серьезным видом. - Она всегда творила чудеса с мужской плотью!" И они оба довольно посмеялись бы над непристойностью.

Ему можно позвонить, сообразил Томас. Но тут же понял, что не знает номер мобильного Энтони. Если у того вообще есть мобильный - сам Томас таковым так и не обзавелся. Можно, конечно, позвонить на домашний и спросить номер у Эммы. Но ему не хотелось снова с ней говорить. Тем более что если все в порядке, то в этом нет смысла, а если нет, то она все равно не скажет правды... да и вообще, все это глупости.

Вечером Франджони, как обычно, смотрел телевизор. Среди сплошного засилья зомби и вампиров - в последнее время все словно помешались на тех и других, а уж в ночь Хэллоуина тем более - он отыскал себе старую добрую комедию с Джонатаном Винтерсом и наслаждался жизнью, забыв обо всех пакостях, пока внезапно не вспомнил, что Винтерс умер минувшей весной. "Бюллетень" писал об этом. Кажется, в Калифорнии... а может, и во Флориде. Все едут умирать во Флориду... ее следовало бы называть не Солнечным Штатом, а Кладбищенским Штатом. По правде говоря, после выхода на пенсию Франджони и сам порою подумывал продать дом и перебраться туда, но так и не собрался. Он вообще не любил радикальных

перемен в жизни, а с годами и вовсе становился все тяжелее на подъем. Ну и ладно, не очень, в общем-то, и хотелось. Там, наверное, слишком жарко...

Винтерс на экране, все еще вполне молодой и здоровый, повернулся лицом к зрителю, устремив пристальный взгляд в камеру. Франджони показалось, что актер - именно актер, а не его герой - смотрит ему прямо в глаза. Томасу внезапно подумалось, что кино и телевидение - довольно-таки дьявольское изобретение. Дающее возможность видеть и слышать, как ходят, разговаривают, даже обращаются к нам давно мертвые люди. Не какие-нибудь состряпанные с помощью грима "зомби", а самые настоящие покойники.

"Здесь не жарко, Томас, - сказал Винтерс, глядя прямо на него. - Здесь гораздо, гораздо хуже."

Камера дала крупный план, и Франджони понял, что действительно смотрит в лицо трупа. То, что он принимал за улыбку, было оскалом. Губы обрели лиловый оттенок, глаза закатились, на заострившихся скулах обозначились пятна разложения. На глазах у Томаса кожа на левой скуле актера лопнула, и оттуда один за другим начали выползать маленькие белые черви. И в то же время это лицо не было застывшей маской - на нем явственно читалось страдание. Не предсмертное. Посмертное.

Громкий стук вывел Франджони из ступора. Он резко дернулся и заморгал. На экране, как ни в чем не бывало, продолжался фильм; герой Винтерса что-то горячо втолковывал большеглазой блондинке.

Томас с раздражением понял, что заснул перед телевизором. Мало того, что пропустил кусок фильма, так еще и приснилась такая дрянь...

Стук, однако, не был сном. И не замедлил это подтвердить, повторившись снова. Кто-то стучал во входную дверь, почему-то избегая пользоваться звонком - и притом настолько громко, что Франджони услышал его из спальни, несмотря на закрытую дверь и телевизор.

Хэллоуин, вспомнил он в очередной раз. Неужели чертовы дети? Они ведь знают, что он ничего им не даст. А если это какие-нибудь новенькие, могли бы догадаться по отсутствию соответствующей символики на доме.

"Сладость или гадость!" - пропел тонкий голосок, подтверждая его подозрения.

Не реагировать, подумал Томас. Постучат-покричат и уберутся.

"Сладость или гадость, мистер Франджони?" - настаивал тонкий голосок капризной девочки.

У Томаса возникла догадка, кто это может быть. Внуки Комбопяно. Кажется, это единственные дети, переехавшие на Шиллер Стрит недавно... хотя он и не мог за это поручиться. Маленьким мерзавцам мало было зло подшутить над дедушкой - теперь они пошли доставать соседа. Томас сердито прибавил звук телевизора.

"Не притворяйтесь, что вы глухой, - отреагировал голос снаружи, также становясь громче. - Вы прекрасно меня слышите."

Франджони задохнулся от возмущения и хотел уже было встать и пойти устроить наглецам разнос... но так и остался сидеть. Он понял, что в репликах снаружи ему не нравится не только содержание. Теперь, когда голос зазвучал громче, Томас отчетливо уловил его хрипловатый тембр. Словно голосу маленькой девочки пытался подражать взрослый мужчина.

И кстати - видел ли он вообще когда-нибудь эту Вэлери, и Денниса заодно? Кажется, нет, понял Франджони. Он знает о них только со слов Тони и Эммы. Он ни разу не был в доме Комбопяно с тех пор, как туда переехал Майкл с семьей. Уж не сам ли Майкл решил поразвлечься таким образом? Нет, это, конечно, совершенный абсурд. Скорее - какой-нибудь семнадцатилетний оболтус...

"Ну что ж, - констатировал голос, понижаясь буквально с каждым звуком. - Вы свой выбор сделали."

Последнее слово прозвучало так низко, что сомнений не осталось - этот голос не мог

принадлежать ребенку. И даже подростку вряд ли.

Да и вообще человеку, мелькнула совсем уж дурацкая мысль. Франджони сердито отогнал ее и еще некоторое время вслушивался, но больше его не беспокоили. Кажется, кто бы это ни был, он, наконец, убрался.

Тем не менее, нить фильма Томас окончательно потерял. И хотя в комедии это не так существенно, как, скажем, в детективе, да и когда-то давно он уже видел этот фильм и, наверное, мог бы вспомнить, Франджони раздраженно выключил телевизор.

В половине третьего ночи очередной газеты на месте все еще не было, и Франджони воспринял это, как добрый знак. Дурацкие хэллоуинские розыгрыши закончились, и все возвращается в нормальное русло. С этой успокаивающей мыслью он устроился в постели и погасил свет.

Плюх.

Ну и что, сердито сказал себе Томас. Просто теперь его доставляют раньше. Но это самый обычный "Барлингтон Бюллетень", такой же, как всегда. И нет, он не пойдет проверять это прямо сейчас. Не пойдет выяснять, какой он *на ощупь*.

Однако эти разумные рассуждения не возымели должного эффекта. Без толку проворочавшись в кровати минут, наверное, сорок, он сдался и поплелся за чертовой газетой. Просто чтобы убедиться, что на сей раз с ней все в порядке.

По крайней мере, на ощупь бумага была нормальной - но, как и вчера, у нее уже было время высохнуть... хотя это, конечно, глупости, сказал себе Франджони, водружая на нос очки.

Первая статья была на сей раз посвящена событиям на Ближнем Востоке, и Томас, у которого внешняя политика вызывала некую смесь равнодушной скуки и брезгливого раздражения, лишь просмотрел по диагонали ту ее часть, что была на первой странице, дабы убедиться, что на сей раз в тексте нет никаких странностей. Один раз, правда, его взгляд зацепился за слово "монстр", но он тут же убедился, что это всего лишь цитата из выступления эмоционального конгрессмена, назвавшего таким образом сирийского диктатора.

Вторая статья, начало которой занимало левую нижнюю четверть страницы, повествовала о планах по объединению двух школьных округов - разумеется, с целью очередного снижения расходов - и ничего подозрительного как будто тоже не содержала. Томас уже совсем было успокоился, когда его взгляд обратился к заметке в правой нижней части страницы.

"Итоги фестиваля мертвых", возвещала она будничным шрифтом вполне заурядной новости - школьная реформа, во всяком случае, удостоилась более крупного кегля.

"Очередная ночь мертвецов в Барлингтоне прошла в основном спокойно. Число жертв составило 18 человек, что на два больше, чем год назад, но не превышает средних показателей за последнее десятилетие. Дуг Гудрич, 48, был найден в своем чулане повешенным на собственных кишках. Терезита Йерре, 77, была забита насмерть собственной берцовой костью, предварительно вырванной из суставов. Эдна Болдуин, 66, была перепилена пополам колючей проволокой. У Роуз Сански, 46, был вырван желудок..."

Не веря своим глазам, Томас дочитал до конца этот список ужасных смертей, изложенный в той же стилистике, как если бы речь шла о победителях местной благотворительной лотереи. Перечень восемнадцати погибших завершался фразой: "Кроме того, пропавшими без вести признаны Стефен Поллак, 51 (найлены его руки и ноги) и Дайана Стрэттон, 68 (найдена ее кожа)."

Франджони невольно, но очень ясно представил себе эту дряблую сморщенную кожу, содранную заживо со старухи, и почувствовал, что его сейчас стошнит.

Никого из перечисленных в заметке он не знал. Он даже не был уверен, что в Барлингтоне вообще есть люди с такими именами. Если эта статья - такая же идиотская выдумка, как и те, что в прошлом номере (а чем она еще может быть?!)... с другой стороны,

семейство Комбопьяно, перечисленное в том номере, было вполне реальным.

Он с раздражением вновь посмотрел на заметку про школы - такую нормальную и обычную на фоне этого бреда чьего-то больного сознания - затем перелистнул газету на страницу 6А, где находилось окончание статьи.

То, чего не было на первой странице, поджидало его там. Необходимость объединения школьных округов объяснялась не только дефицитом бюджета, но и участившимися случаями *сращивания* детей. Сращивания. Что бы это ни значило.

Франджони выкинул газету в мусорную корзину, не желая даже смотреть, что там на других полосах (хотя его взгляд еще успел зацепиться за фразу "ужас труб", и Томас уже не усомнился, что речь там идет вовсе не о технических проблемах подземных коммуникаций). Он хотел было сразу отнести "Бюллетень" на крыльцо - пусть утренний мусоровоз заберет оба этих мерзких номера - но при мысли о том, чтобы выйти сейчас на улицу, хотя бы даже и на несколько шагов, раздумал. Слишком уж там холодно.

Холодно и *темно*.

Вместо этого он уселся на кровать и придвинул к себе телефон. Он был так зол и возбужден, что не стал дожидаться утра - хотя и был практически уверен, что ночью ждать ответа оператора бесполезно. Однако после того, как он проигнорировал все автоматические опции, в трубке зазвучали гудки, и на пятом или шестом из них ответил женский голос, назвавшийся Джоан, сообщивший, что разговор "может быть записан", и поинтересовавшийся, чем она может помочь.

- Что вы себе позволяете? - сразу же накинулся на Джоан Франджони, хотя прекрасно понимал, что говорит не с главным редактором и не с автором этих идиотских заметок, а, по всей видимости, с девушкой из службы доставки. - Ладно, вчера вам вздумалось пошутить в честь Хэллоуина, хотя замечу, что эти шутки весьма дурного тона. Но второй день...

- Сэр, могу я узнать ваше имя?

- Томас Франджони, дом 7 по Шиллер Стрит. Я выписываю вашу газету, сколько себя помню, и никогда прежде она не позволяла себе подобного!

- У вас возникли проблемы с доставкой, сэр?

- У меня проблемы с тем, *что* вы мне доставляете! Вы сами-то читали, что пишет ваша газета? Про все эти кошмарные убийства... про пропавших детей...

- Вы имеете в виду раздел полицейских сводок?

- Я имею в виду все разделы! Начиная с первой страницы!

- Прошу прощения, сэр, но если у вас есть замечания по содержанию газеты, вам лучше изложить их в письме в редакцию. Я занимаюсь только вопросами доставки.

- И как скоро мне ответят из редакции?

- Не могу этого знать, сэр, - по ее тону можно было догадаться, что едва ли ответят вообще. Впрочем, Франджони и сам это понимал.

- В таком случае, - с расстановкой произнес он, - я хочу отписаться.

- Вы хотите прекратить вашу подписку, сэр? С какого момента?

- Немедленно!

- Хорошо, сэр. Технически это возможно только с завтрашнего дня. Сегодняшнюю газету вы еще получите...

- Я ее уже получил!

- ...возвращены на ваш счет в течение четырех недель, - не слушала его Джоан.

Франджони никогда не мог понять, почему, чтобы снять деньги с его счета, достаточно минуты, а вот для того, чтобы вернуть их обратно, если он чем-то недоволен, требуются недели, но с этим он уже явно ничего не мог поделать.

- Могу я узнать, для нашей отчетности, причину, по которой вы отписываетесь?

- То, что ваша газета стала писать чушь! - заорал Франджони в трубку. - Мерзкую чушь!

- Могу я записать "неудовлетворенность содержанием"? - невозмутимо осведомилась Джоан.

- Да, - устало выдохнул Томас.

- Спасибо, сэр, и примите мои...

Но Франджони уже положил трубку.

В первый момент он не чувствовал ничего, кроме мстительного удовлетворения. Затем пришло сожаление. Все-таки он был подписан на "Бюллетень" столько лет... и как теперь, спрашивается, он будет засыпать под утро? Уж сегодня он, похоже, точно не заснет без снотворного. Второй день подряд, это очень, очень плохо...

Но, в конце концов, ничего непоправимого он не сделал. Это с человеком можно разругаться на всю жизнь, а на газету он в любой момент может подписаться снова. Разумеется, когда весь этот идиотизм закончится. Ведь должен же он закончиться! Даже если там поменялся редактор (Франджони никогда не интересовался именем прежнего и, стало быть, не мог сказать, так это или нет), даже если "Бюллетень" превращается в таблоид, он не может публиковать *откровенную* ложь. А 18 изуверских убийств (не считая того, что сделали с еще двумя) за одну ночь в тихом Барлингтоне - это, конечно, немислимый вздор, который не может иметь никакого отношения к реальности. Наверное, какой-то рекламный трюк, чтобы привлечь молодежь. Ведь большинство подписчиков - люди старшего возраста; молодые, как справедливо заметила Эмма, все узнают из интернета...

Но, сколько Томас ни убеждал себя этими разумными рассуждениями, спокойствие отказывалось возвращаться. Напротив, в глубине души - или же в глубине живота, покалывая его изнутри холодными коготками - расползалась уверенность, что никакой это не рекламный фокус... что 18 человек действительно умерли - может быть, не в Барлингтоне, может, в каком-то другом месте - а двое, один с отрубленными конечностями, другая освежеванная заживо, напротив, все еще живы там, куда их забрали... все еще живы и *кричат*...

В конечном счете Томасу пришлось вновь прибегнуть к спасительной помощи фармакологии.

После завтрака он потратил сорок минут на то, чтобы и впрямь написать возмущенное письмо в редакцию (он делал это от руки, ибо компьютер он так и не освоил). Чтобы узнать адрес, ему пришлось вновь достать злосчастную газету из корзины; он вытянул ее брезгливо, двумя пальцами за краешек, словно использованную туалетную бумагу и, трижды перечитав адрес, чтобы запомнить, тут же бросил газету обратно. Затем он вышел на улицу с конвертом в руке... и замер, едва ступив на крыльцо.

Все его крыльцо и даже земля вокруг него были завалены мусором - причем не только бумажно-пластиковым из корзины для переработки. Кто-то хорошо потрудились, опорожнив и бак для пищевых отходов. И похоже даже - не только его собственный. Картофельные очистки, гнилые арбузные и банановые корки, обглоданные кости и еще какие-то липкие ошметки были повсюду - что-то налипло на дверь, что-то даже свешивалось с навеса над крыльцом. Здоровенная протухшая рыба голова, лежа на верхней ступеньке, пялилась на Томаса мутным взглядом.

Само собой, мусорщики не тронули все это великолепие. В их обязанности входило лишь забрать аккуратно упакованные мешки.

"Проклятые дети!" подумал Франджони. Все-таки сотворили обещанную "гадость"! Но затем ему вспомнился голос, звучавший из-за двери... голос, казавшийся детским лишь поначалу.

Курьер, подумал он. Тот, кто доставляет газету. Отомстил за жалобу... и за то, что Франджони отказался от подписки.

Это была дурацкая мысль. Какая-нибудь подростковая шпана, использующая Хэллоин

как предлог для хулиганства - да, вполне возможно. Но курьер, делающий свою работу и, вероятно, не желающий ее потерять... или все-таки потерявший? Тогда понятно, за что он может мстить. Но в любом случае, угроза из-за двери прозвучала, наверное, около полуночи - задолго до того, как доставили газету. И уж тем более до того, как Томас отписался.

Хотя, конечно, курьер мог и вернуться, закончив свой обычный маршрут. В 6 утра сейчас еще темно, и он мог особо не опасаться свидетелей.

В любом случае, вздохнул Франджони, теперь уже ничего не докажешь. Камер наблюдения ни у его дома, ни у дома напротив не было. Соседи едва ли выглядывали в окна в это время - а если даже и да, то не разобрали лица в темноте. Да и полиция не станет расследовать мелкую пакость, совершенную в ночь Хэллоуина.

И Томас поплелся обратно в дом за резиновыми перчатками.

Когда он, наконец, закончил с уборкой, то вдруг почувствовал облегчение. Не просто обычное облегчение человека, разделившегося с неприятной работой. Нет... это было облегчение человека, осознавшего, что он *легко отделался*. Томас вновь вспомнил, как звучал тот *нечеловеческий* голос... даже сейчас, при свете дня, от этого воспоминания пробирали мурашки. Все могло кончиться хуже, чем просто разбросанным мусором... *намного* хуже. Подсознательная уверенность в этом была столь же нелепой, как и в том, что записка об убийствах не была вымыслом - и, однако, столь же твердой.

Ладно, сказал себе Франджони. Проехали и забыли.

Но забыть не получалось.

Когда он вновь вышел из дома, чтобы все-таки отправить письмо, то не остановился у ближайшего ящика, а дошагал до самой почты. Ему казалось, что письмо, брошенное в ящик прямо здесь, дойдет быстрее - хотя, наверное, это была чепуха, все письма из всех ящиков Барлингтона, скорее всего, сначала собирают в общую кучу и лишь потом сортируют по адресам... Почта располагалась рядом с автостанцией, куда раз в сутки приходил "Грейхаунд" из Нью-Йорка, и Франджони вспомнил, что там внутри, в крохотном зале ожидания, имеются две телефонные кабины, едва ли не последние в городе в эту эпоху всеобщих мобильных. Повинуясь внезапно возникшей идее, он вошел.

В зальчике, как и следовало ожидать, никого не было. Автобус уже ушел, и нового не будет до завтра. Томас еще помнил времена, когда был и второй рейс, вечерний, но его отменили еще при Клинтоне. Все портится и разрушается со временем, м-да.

Он направился в одну из кабинок, где лежала толстая растрепанная телефонная книга с засаленными краями страниц. Напряг память, вспоминая; описания расправ он запомнил даже слишком хорошо, а вот имена и фамилии как-то не очень. Терезита... это имя запомнилось ему хорошо, потому что очень уж нелепо сочеталась уменьшительная форма, подходящая для девочки, с возрастом носившей его старухи, а вот как была ее фамилия? что-то на "й", в два слога... "Йерре", да. Франджони принялся листать справочник, надеясь, что такого имени там не окажется.

Оно там оказалось. Судя по отсутствию других Йерре, Терезита жила одна... хотя, строго говоря, это не доказательство. Томас набрал номер, не очень представляя себе, что скажет, когда ему ответят. Может быть, просто повесит трубку, услышав вполне живой старушечий голос.

Из трубки потекли длинные гудки. На восьмом щелкнуло, но, едва Франджони открыл рот, он понял, что телефон переключился на голосовую почту. Стандартное предложение оставить сообщение, зачитанное голосом автомата - эта Йерре даже не потрудилась записать персональный текст для автоответчика.

Оставлять сообщение Томас, конечно, не стал. Вместо этого он, поднапрягшись, извлек из памяти еще два имени. У Гудрича тоже отозвался автоответчик - на сей раз бодрым мужским голосом, который, однако, звучал как-то глухо... "словно из чулана", неуместно подумалось Томасу. Эдн Болдуин оказалось целых две. У первой опять-таки никто не брал трубку. Зато по

второму номеру Франджони, наконец, услышал старческое "Алло?"

- Эдна? - хрипло произнес он.

- Нет, я Эмили, - донеслось из трубки тоном "объясняю специально для дураков".

- Извините. А могу я поговорить с Эдной?

- Нет, - ответила Эмили, ничего не поясняя.

- Нет? - растерянно повторил Франджони, сбитый с толку этой лаконичностью. - А почему?

- Потому что бабушка умерла! - ответили ему, и по тому, как подвизгнул голос в конце, Томас, наконец, понял, что говорит вовсе не со старухой, а с маленькой девочкой - лет пяти, не больше. Но он понял и кое-что еще. Голос определенно не был плачущим или хотя бы расстроенным. Напротив - о смерти бабушки Эмили сообщила едва ли не с торжеством.

- Ее... убили? - выдавил из себя Франджони.

- Нет, она умерла в больнице! - известила девочка с прежней интонацией "специально для дураков".

"Эмили, кто звонит?" послышалось в трубке издали, и затем этот новый голос - по-видимому, принадлежавший женщине лет тридцати - приблизился и сказал: "Алло?"

Томас повесил трубку.

Шагая домой под начавшим накрапывать дождем, он говорил себе, что все это ничего не значит. Если это действительно рекламная кампания, использующая имена реальных людей, то с этими людьми наверняка заключили договор. Возможно даже, по условиям этого договора они не должны отвечать на звонки. Хотя то, что по трем номерам никто не взял трубку, может быть и просто совпадением. А Эдна... во-первых, вполне возможно, это все-таки *не та* Эдна. А во-вторых, если даже и та, она умерла совсем *не так*.

Да. А Тони Комбопьяно и в самом деле улетел в Канзас проведать кузена, о котором никогда прежде не упоминал.

Франджони как раз проходил мимо дома Комбопьяно, и у него возникла столь же иррациональная, сколь и твердая уверенность, что за ним оттуда наблюдают. Он резко остановился и повернулся. Ни на крыльце, ни в окнах никого не было. Но Томас все-таки успел заметить - или ему показалось? - как в одном из окон второго этажа качнулась занавеска.

Насколько он помнил расположение комнат в доме соседа, это было окно детской. Некогда принадлежавшей Майклу, а теперь, очевидно, доставшейся его отпрыскам.

Ну и что, сердито сказал себе Франджони. Вот *это-то* уж точно совсем ничего не значит. Да и вообще, не верит же он в самом деле, что...

Зря я отправил это письмо, подумалось вдруг Томасу. Мы уже были в расчете: я нажаловался и отписался, мне нагадили на крыльце. На этом и надо было остановиться. Но я напросился на продолжение...

В очередной раз сказав себе, что все это чушь, он вошел в свой дом.

Позже, отправляясь спать после очередного вечера, проведенного в компании телевизора, Франджони уже не думал о газете и всех связанных с нею - или, возможно, лишь примерещившихся ему - странностях. Ну или почти не думал.

Однако проснулся он в эту ночь раньше обычного. Некоторое время он лежал в полной темноте, плохо понимая, кто он и где он, и чувствуя лишь одно: страх. Ощущение чего-то неизбежного и неумолимо приближающегося. Он весь словно превратился в холодную пустоту, заполненную этим страхом. Затем сознание нехотя вернулось на место. Франджони повернул голову и посмотрел на светящиеся цифры часов: 1:53. На этот раз его разбудил не мочевой пузырь, а это жуткое предчувствие. Чувство надвигающейся опасности, проникшее даже сквозь сон...

Или, может, пришедшее из сна? Может, ему просто приснился кошмар? Франджони

попытался вспомнить, снилось ли ему что-нибудь, но безуспешно. Его словно выдернули из черного омота. Выдернули *извне*.

Еще какое-то время он боязливо вслушивался в темноту, но в доме было очень тихо. С улицы в этот час тоже не доносилось никаких звуков. Чувство сосущей тревоги не уходило. Томас зажег лампу на столике. Обычно ее неяркий свет казался ему уютным, но сейчас, казалось, лишь подчеркивал, а не разгонял мрак, заставляя предметы отбрасывать уродливо длинные тени и превращая спальню в какую-то зловещую пещеру; так что Томас нехотя встал и включил общий свет.

Теперь спальня вернулась к своему обычному прозаическому виду, и ровным счетом ничего пугающего или тревожащего в ней не было. Томас, все еще чувствуя слабость в ногах, набросил халат, подошел к двери, вновь прислушался, открыл и выглянул во тьму жилой комнаты; торопливо нашарив на стене выключатель, зажег свет и там. Опять ничего необычного. Чувствуя, что все равно уже не заснет, побрел-таки в туалет. Даже после семи лет жизни в полном одиночестве он всегда аккуратно закрывал за собой дверь при посещении этого места - но на сей раз оставил ее открытой; так ему было спокойнее.

Никто не потревожил его и теперь; в доме стояла все та же мертвая тишина... какая-то *слишком уж* плотная, подумалось вдруг Томасу. Обычно даже ночью нет-нет да проедет вдалеке какая-нибудь машина, или прошелестит ветер, или заурчит на кухне холодильник, или еще что... Звук спускаемой воды показался в этой тишине грохотом водопада. Томас даже вздрогнул, несмотря на то, что сам произвел этот шум.

Выйдя из туалета, он не удержался и заглянул в прихожую. Разумеется, под дверью ничего не было. "Это ничего не значит, - подумал, тем не менее, Франджони. - Еще слишком рано." И тут же сердито одернул себя: "Рано или нет - без разницы! Я отписался! Никакой газеты не будет!"

Эта мысль, впрочем, заставила его задуматься, что же он будет читать теперь, чтобы заснуть - вновь сдаваться на милость таблеток решительно не хотелось. Томас вспомнил, что после смерти Марджори остался целый ворох дешевых книжек в ярких обложках, которые он так и не собрался выкинуть. Он приносил их ей в больницу, пока она еще могла читать и находила в этом способ отвлечься, и, разумеется, это были такие книжки, где не было ничего пугающего и гнетущего и заканчивалось все исключительно хорошо. Потом, когда все уже было кончено... Томас никогда не считал себя сентиментальным, но в тот момент ему казалось, что выбросить эти книжки (как и другие им подобные, которые Марджори покупала сама, когда еще была здорова) - это что-то вроде предательства памяти покойной жены. По крайней мере, если сделать это сразу. В то же время, и смотреть на них ему тогда было тяжело. Поэтому он ограничился тем, что упаковал их в картонную коробку и отволок в подвал. А потом просто забыл о них.

Теперь уже связанные с ними тяжелые ассоциации в прошлом, так что ничто не помещает их достать. Конечно, вряд ли это такое уж увлекательное чтение - но, в конце концов, оно ему нужно только в качестве снотворного.

Довольный, что его мысли приняли конструктивный характер, Франджони решил спуститься в подвал прямо сейчас.

Он знал, что многие в наше время оборудуют у себя в подвалах вполне полноценные комнаты с компьютерами и телевизорами - или, на худой конец, ставят там стиральную машину - но подвал в доме Франджони оставался вполне классическим: темным и необитаемым местом последнего упокоения ненужных вещей, посещаемым лишь в тех редких случаях, когда они все-таки надобятся в мире живых. Томас открыл дверь в углу жилой комнаты (петли тоскливо заскрипели - сколько лет их не смазывали?), перекинул вверх два рычажка (один - свет на лестнице, второй - в самом подвале) и начал осторожно спускаться по крутым ступеням, держась рукой за перила. Он знал, как легко человек, особенно в его возрасте, может

оступиться, свалиться вниз и сломать себе шею; в фильмах такое происходило постоянно. Чаще всего, впрочем, не без посторонней помощи - что упорно отказывались признать тупоумные полицейские. Сделав несколько шагов, Франджони невольно обернулся и с опаской взглянул вверх, словно ожидая увидеть там темный силуэт злоумышленника. Но там никого не было, и Томас, вновь выругав себя за глупые страхи, продолжил спуск.

Он благополучно добрался до самого низа и, сойдя с лестницы, принялся оглядываться по сторонам, пытаясь вспомнить, сколько - месяцев? лет? - он здесь не был и, главное, где та самая коробка с книгами. Ага, кажется, вот. Надо же было запихать ее в самый дальний угол... Обойдя уложенные друг на друга зимние покрышки (обраставшие пылью уже лет десять) и прислоненные к стене рыболовные снасти (отправленные в бессрочный отпуск примерно в то же время), Томас опустил на корточки перед коробкой и снял крышку.

В этот момент раздался щелчок, и свет погас.

Франджони вздрогнул так, словно его ударило током. Сердце забило мелко и часто где-то ближе к горлу; в ногах разлилась слабость, и он едва не шлепнулся на задницу. Однако в следующий миг он все же взял себя в руки. "Просто перегорела лампочка, вот и все. Сколько лет ее уже не меняли..." Да, но если так - сзади должен просачиваться свет с лестницы. Не могли же две лампочки, даже одинаково старые, перегореть одновременно!

Меж тем вокруг была кромешная темнота. И в этой темноте что-то... было.

Томас не слышал никаких звуков и не ощущал дуновения воздуха. И тем не менее, это было ощущение, хорошо знакомое ему с детства. Если закрыть глаза и идти вперед, рано или поздно возникает нестерпимо сильное чувство, что надо остановиться. Что впереди препятствие. Открываешь глаза - ничего нет. Вот такое же чувство он испытывал и теперь. Он даже мог сказать, откуда оно исходит. Слева и чуть сзади.

Воображение, сказал себе Франджони. Просто воображение. Наверное, я заметил краем глаза какой-нибудь висящий на стене плащ, прежде чем погас свет, вот теперь и... А свет - это, конечно, просто бросок напряжения.

Надо взять книги и убираться отсюда. Поскорее.

Он сунул руки в коробку, почти уверенный, что сейчас что-нибудь схватит его и потащит вниз. Или вопьется зубами в его запястье.

Но ничего не произошло. Под пальцами были только глянцевые обложки. Он ухватил, не считая, несколько верхних книг из стопки и потянул их из коробки. Но это оказалось не так просто сделать. Какая-то сила держала их, не желая отпускать.

Это Марджори, мелькнула у него совершенно безумная мысль. Она не хочет отдавать мне книги. Это все, что у нее осталось... здесь.

Конечно, это был полный бред, уже хотя бы потому, что тело Марджори - точнее, то, что от него осталось семь лет спустя - покоилось вовсе не здесь, словно в каком-нибудь рассказе Эдгара По, а, как и положено, на кладбище Риверсайд в доброй миле отсюда. Почему-то в этот момент именно это соображение показалось Томасу убедительнее всех прочих.

А затем раздался отвратительный звук, словно рвалась гнилая плоть, и руки Франджони вместе с зажатыми в них книгами дернулись вверх, преодолев сопротивление. Ну конечно, с облегчением понял Томас. Просто обложки слиплись от долгого лежания в стопке.

Он тяжело выпрямился, чувствуя, что ноги все еще плохо держат его, и повернулся в сторону невидимой лестницы. Ощущение безмолвного чужого присутствия - теперь справа от него - однако, не проходило.

- Здесь никого нет, - сказал Франджони вслух. Голос прозвучал на удивление слабо и позорно "дал петуха" на последнем слове.

Тьма, разумеется, не ответила.

И тогда, выставив книги прямо перед собой, словно магический щит, Томас двинулся прямо туда, откуда исходило это чувство. Если там висит плащ - ну что ж, он будет рад в этом

убедиться.

Что-то легко коснулось его лица.

Франджони отпрянул, с отвращением смахивая обеими руками с лица паутину. Он страдал арахнофобией всю свою жизнь, и рефлекс был сильнее разума. Выпущенные из рук книги попадали на пол, но Томас не обращал на это внимания, ибо почувствовал, как паук пробежал по его лицу, затем, сорвавшись с подбородка, упал на грудь и прошмыгнул за ворот халата. Франджони завертелся на месте, хлопая себя по плечам и груди; его нога за что-то зацепилась, и он полетел вперед и вбок, столь же отчетливо, сколь и беспомощно осознавая, что вот сейчас он сломает шейку бедра и останется лежать здесь, в темном и холодной подвале, не способный ни выбраться, ни позвать на помощь (кто услышит его крики отсюда?!), и будет лежать здесь несколько дней, пока не умрет, но крысы и насекомые не станут ждать так долго и примутся жрать его заживо... в его доме не было крыс, их благополучно извели еще сорок лет назад, но тут они, конечно же, учуют и прибегут... бог весть как, но они проберутся... и пауки затянут паутиной его рот и глаза...

Он действительно успел представить все это прежде, чем последовал удар. Удар о старые покрышки - не то чтобы совсем безболезненный, но слишком мягкий, чтобы воплотить в жизнь представившийся ему кошмар.

Охая и кряхтя, Франджони поднялся. Он потерял правой тапок, но не стал его искать - как не стал и пытаться подобрать разбросанные по полу книги. Медленно шаркая обувью и босой ногами, он ощупью двинулся в сторону лестницы, совершенно неуверенный в том, что сумеет ее отыскать - но, наконец, с безмерным облегчением ухватился дрожащей рукой за перила.

Но это был еще не конец. Теперь, когда он благополучно избежал перелома, его запросто может хватить инфаркт прямо на лестнице... судя по тому, как колотится его сердце, это более чем возможно... надо передохнуть и успокоиться... но разве можно успокоиться *здесь*?!

Все же он простоял некоторое время, вцепившись обеими руками в перила, словно потерпевший кораблекрушение - в обломок мачты и убеждая себя, что ничего страшного не произошло. Перегорели лампочки, он наткнулся на паутину, потом оступился - вот и все. Прочее - игра воображения.

То, что стояло там, во тьме, передвинулось.

Опять же, не было ни звука, ни движения воздуха. Томас просто почувствовал, как оно тронулось со своего места и заходит ему за спину, постепенно приближаясь.

Бежать!!! Воображение или нет, но если он останется - у него будет инфаркт прямо здесь!

Задыхаясь и перехватывая перила обеими руками, Франджони взлетел вверх по лестнице, захлопнул за собой дверь - а затем тяжело привалился к ней и долго стоял так, пытаясь нормализовать дыхание. Постепенно его сердце все же успокоилось; он отлип от двери и повернулся, чтобы идти обратно в спальню. Или нет, сначала все-таки на кухню, где аптечка. После такой встряски без успокоительного точно не уснуть...

Что-то отчетливо проскребло у него за спиной.

Томас резко обернулся. Звук явно пришел с той стороны двери в подвал. Словно кто-то изнутри процарапал по ней гвоздем. Или когтем.

Достаточно большим когтем.

Несколько секунд Франджони оцепенело смотрел на дверь, ожидая, что она распахнется. Дверь в подвал не запиралась - элементарная предосторожность, чтобы спустившийся случайно не захлопнулся или не был закрыт по ошибке другим членом семьи, не знающим, что внизу кто-то есть. Да и от кого им с Марджори было запирать эту дверь? Детей, способных свалиться с лестницы, у них никогда не было.

Но больше ничего не произошло. Дверь не отворилась. Никто не вырвался оттуда, не

зарычал, не завыл замогильно. Царапающих звуков тоже больше не было. Равно как и топота вниз по ступенькам.

Стало быть, он - или оно - все еще оставалось здесь? Замерев за дверью и выжидая... Франджони попытился. И пятился до тех пор, пока не добрался до столика с телефоном. Его руки тряслись. 911 ему удалось набрать лишь со второго раза.

- В чем ваша чрезвычайная ситуация? - откликнулся деловитый женский голос с трубки.

- Я Томас Франджони, Шиллер Стрит, 7. Кто-то проник в мой дом.

- Он все еще в доме?

- Да, - Франджони попытался сухо сглотнуть. - Он у меня в подвале.

- Вы видели этого человека?

- Нет. ("Если это вообще человек", добавил Томас мысленно.) Только слышал.

- Вы точно уверены, что это не кто-то из ваших домочадцев? Или, возможно, животное...

- Нет, черт побери! - рявкнул Франджони и тут же прикусил язык, боясь не столько недовольства оператора, сколько того, что его услышит тот, в подвале. - Я живу один, - добавил он уже тише.

- Успокойтесь, сэр. Иногда в дома забираются соседские животные. Или вовсе дикие.

- Я не знаю, что это за тварь, и не хочу выяснять! Пусть это сделают полицейские!

- Машина уже едет к вам. У вас есть оружие?

- Нет, - в отличие от большинства мужчин, оружие Франджони никогда не любил и считал, что непрофессионалу от него больше вреда, чем пользы. Марджори была еще более горячей сторонницей той же точки зрения.

- Где вы находитесь в данный момент?

- У себя в спальне.

- Вы можете закрыться там изнутри?

- Да, - слава богу, хотя бы в спальне это возможно. Хотя, конечно, высадить эту хлипкую дверь...

- Сделайте это. И больше ничего не предпринимайте, пока не приедет полиция.

- Хорошо.

Едва он повернул ручку замка, как за окном зазвенели красные и синие блики. В самом деле, быстро приехали. Со стороны входной двери раздался громкий стук.

- Полиция, мистер Франджони!

- Иду! - крикнул он в ответ.

Выглянув из спальни и не заметив ничего подозрительного, он поспешил в прихожую.

На пороге стоял круглолицый полицейский лет тридцати с фонарем в руке; его пистолет покоился в кобуре, но она была расстегнута. Франджони крайне редко доводилось иметь дело с полицией, и все же это лицо показалось ему смутно знакомым. Ничего удивительного, конечно - Барлингтон маленький город, а уж полицейский департамент здесь совсем крошечный. Томас мог видеть этого офицера не только за рулем патрульной машины, но даже и в каком-нибудь магазине во внеслужебное время.

- Томас Франджони?

- Да. А где ваш напарник? - Томас бросил взгляд в сторону сверкавшей мигалками машины, в салоне которой никто не просматривался.

- Ну, не высылать же целый отряд ради забравшегося в дом енота, - усмехнулся полицейский.

- Это не енот!

- Посмотрим. Если что, я всегда могу вызвать подкрепление. Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности, сэр?

- Да ведь это я вас вызвал!

- Я обязан в этом убедиться, - терпеливо пояснил офицер.

- Сейчас... - Томас обследовал карманы висевшего в прихожей плаща и извлек водительскую лицензию. Коп посветил фонарем на нее сверху и кивнул.

- Где вход в ваш подвал?

- Идемте.

Франджони проводил его до той самой двери; здесь коп велел ему отойти назад и извлек пистолет из кобуры.

- Полиция! Выходите с поднятыми руками!

В ответ не донеслось ни звука. Офицер подождал некоторое время и спросил через плечо Томаса:

- Из подвала есть другой выход? Например, через окно?

- Нет. Там нет окон.

- Окей, - коп рванул дверь на себя и быстро обвел лучом фонаря лестницу, держа оружие наготове. Не увидев ничего подозрительного, он вновь спросил Франджони:

- Где включается свет?

- Выключатели справа, но лампочки перегорели...

Коп щелкнул рычажками, и на лестнице и в подвале загорелся свет.

- Вот! - воскликнул Франджони. - Я так и знал! Он вырубил свет, когда я был внизу!

- Полиция! - еще раз крикнул коп и начал спускаться, топая ботинками по лестнице.

Франджони остался ждать наверху.

Некоторое время он слышал, как офицер ходит там, внизу, и даже, кажется, что-то двигает. Затем коп снова появился у подножья лестницы. Пистолет вновь был у него в кобуре.

- Мистер Франджони!

- Да?

- Я наблюдаю здесь некоторый беспорядок - в частности, раскиданные книги и тапок на полу - но ничего более серьезного. Здесь никого нет - ни людей, ни даже енотов.

- Этого не может быть! Наверное, он где-то прячется!

- Здесь не так много места, чтобы спрятаться. Книги и тапок бросили вы?

- Да, когда он напугал меня!

- Но на самом деле вы никого не видели, - офицер уже поднимался вверх по лестнице. -

Полагаю, вам просто померещилось в темноте.

- Вот именно - в темноте! - воскликнул Франджони. - Кто вырубил свет, по-вашему?

Коп поднялся на верхнюю площадку и посветил своим фонарем на выключатели, затем подвигал их вверх-вниз.

- Думаю, вы оставили их вот в таком положении, - сказал он наконец, не без труда заставив рычажки замереть ровно посередине. - Отсюда они от самого легчайшего колебания и даже сами по себе могли перескочить вниз.

- Вы провозились несколько минут, чтобы вот так их уравновесить - а я, по-вашему, сделал это случайно?

- Бывает, - пожал плечами коп. - Знаете, в моей практике был случай, когда случайно выстрелившее ружье убило человека на расстоянии полумили. Если бы по нему целились специально, попасть с такого расстояния из обычного охотничьего ружья было бы нереально.

Он стукнул кулаком по стенке, желая, видимо, показать, как легко рычажки перескочат вниз, но они остались в промежуточном положении. Тогда он выключил свет обычным способом, словно бы и не заметив конфуза.

- Подождите! - воскликнул Франджони, торжествуя указывая на внутреннюю сторону открытой двери в подвал. - Вот! Это мне тоже померещилось?!

По поверхности двери сверху вниз тянулась длинная и довольно глубокая царапина.

- Хмм... - офицер провел и по ней лучом фонаря. - У вас никогда не было, к примеру, кошки?

- Ростом в пять футов?

- Кошки умеют прыгать, и довольно высоко. Так была или нет?

- Была, - признал Франджони. - Много лет назад. Ее завела моя покойная жена. Сам я, по правде говоря, не любитель кошек и не был от нее в восторге, особенно когда она повадилась гадить в мои тапки. Потом она куда-то пропала. Должно быть, попала под машину.

- В самом деле?

- Что вы на меня так смотрите? Вы что, подозреваете, что на самом деле я убил эту чертову тварь и замуровал в подвале? - по правде говоря, в то время у Томаса и в самом деле мелькала подобная мысль. Но только мысль и не более чем. На практике он ограничивался тем, что пинал ненавистное животное при каждом удобном случае, когда Марджори не видела, в надежде, что кошка сбежит сама. Судя по всему, так в итоге и вышло.

- Ну, люди порою творят и не такие вещи. А потом, знаете, комплекс вины будит у них странные фантазии.

- Я думал, вы полицейский, а не психоаналитик, - желчно произнес Франджони.

- Хороший полицейский должен быть в том числе и психоаналитиком, - глубокомысленно изрек коп, продолжая обследовать борозду на двери. - А как полицейский я могу вам сказать, что это никак не может быть свежей царапиной. Видите, дерево внутри давно потемнело.

- Но я слышал! Слышал своими ушами, как оно там скребется!

- Мистер Франджони, - вздохнул офицер, - я не знаю, что вы слышали или думаете, что слышали. Я знаю, что в вашем подвале никого нет, на вашей входной двери нет следов взлома, на вас никто не нападал, в доме, если я правильно понимаю, ничего не пропало и нет никаких следов присутствия посторонних. Я не обвиняю вас в преднамеренном ложном вызове. Может быть, вы слышали крысу, или у вас шумело в ушах после подъема по лестнице. Но, в любом случае, это вне компетенции полиции.

На груди у полицейского ожила и что-то прохрипела рация. Тот поднес ее к губам:

- Отбой. Ложная тревога. Хозяину дома просто померещилось.

Франджони обреченно проводил его обратно до крыльца.

- Но если я все же найду доказательства, что кто-то проник в дом...

- Тогда звоните, - офицер протянул ему карточку. - Доброй ночи, сэр.

- И вам... - пробурчал Томас и захлопнул дверь.

"Мистер Франджони!" донеслось снаружи.

- Да? - он поспешно распахнул дверь, глядя на полицейского.

- Я думаю, это ваше.

Коп протягивал ему газету.

- Н-нет, - затряс головой Томас. - Я отписался.

- Но это лежало у вас на крыльце.

- Это ошибка. Выбросите ее.

- Это ваша газета. Если она вам не нужна, выбросите ее сами, - коп настойчиво протягивал свернутый "Бюллетень" Томасу.

- Ладно... - Франджони нехотя взял бумагу. Офицер зашагал к машине.

- Подождите! - крикнул вдруг Томас. Тот обернулся.

- Вы сами выписываете "Барлингтон Бюллетень"? - спросил Франджони.

- Жена выписывает. У меня обычно нет времени на чтение.

- Дело в том, что там в последнее время появились очень странные публикации...

- Сэр, сейчас не лучшее время обсуждать журналистику. Я должен вернуться к своей работе.

- Да, конечно... извините, - Франджони закрыл и запер дверь.

Он стоял в прихожей, с отвращением глядя на проклятую газету в руке. Конечно, все это

может ничего и не значить. Курьер просто бросил ему газету по привычке. Но почему-то именно бросил на крыльцо, а не просунул в щель - как и в ту ночь, когда Франджони пожаловался в первый раз. Не захотел привлекать внимание, видя, что в доме полиция?

Томас решил, что, как бы то ни было, он не станет заглядывать в газету. Нет-нет, не станет. Сразу же бросит ее в мусорную корзину. А потом пойдет на кухню за таблетками...

Франджони снова проснулся с тяжелой головой, с трудом соображая, где он и что с ним. Светло... день... что за дрянь ему снилась... какая-то отвратная жуть...

Он откинул одеяло, спустил ноги с кровати, привычно попадая левой сразу в тапок. Но вот под правой ногой тапка не было. Равно как и мягкой поверхности коврового покрытия. Было что-то другое, гладкое, но не скользкое, зашуршавшее, когда он попытался все же нашарить тапок...

Франджони посмотрел вниз. На полу лежала газета. Не свернутая в трубочку, какой он бросил ее в мусор. Раскрытая.

И даже без очков, по характерному расположению фотографий и маленьких заметок, Томас понял, что она раскрыта на странице некрологов.

Франджони охнул, затем сердито зажмурился и затряс головой. "Я все еще сплю", сказал он себе. Затем открыл и тщательно протер глаза, потянулся на столик за очками, и лишь потом посмотрел вниз.

Газета по-прежнему была там. Более того, теперь он заметил кое-что еще. Одна из заметок была неряшливо обведена толстой бурой линией. Слишком толстой, чтобы это был след от фломастера. Скорее - от пальца, который обмакнули во что-то коричневое.

Или в красное, побуревшее при высыхании.

Томас почувствовал, как все обмирает у него внутри - почти как в тот день, когда врач сообщил ему диагноз Марджори. Тогда он все понял еще до того, как доктор открыл рот... и сейчас тоже понял, что это за заметка, еще до того, как поднес газету к глазам.

"Томас Франджони, 74, 3 ноября 2013 отправился к нашему Владыке..."

Он посмотрел на верх страницы. Там, разумеется, было написано "Суббота, 2 ноября 2013". Никаких некрологов за завтрашнее число в этой газете не могло быть в принципе. Но мало ли чего в ней не могло быть...

Франджони попытался вспомнить, лежал ли "Бюллетень" у кровати, когда он ходил в туалет во второй раз - ведь он, вне всякого сомнения, должен был это сделать. Но он не мог вспомнить не то что газету, а и сам поход. Должно быть, его мозг на тот момент был слишком одурманен снотворным и не сохранил воспоминаний.

Не может ли быть так, что тогда он все же вытащил газету из мусора, стал читать, наткнулся на *это*, швырнул на пол... а теперь ничего этого просто не помнит?

Нет, не может быть. Он еще не впал в маразм. Выбрасывая газету, он твердо решил, что больше не возьмет ее в руки, и даже снотворное не могло это решение изменить. Опять же, кто-то же обвел некролог? Не сам же он это сделал? Томас посмотрел на свои пальцы. Нет, на них не было никаких следов крови или краски.

Газета с шелестом провалилась между его костлявыми коленями и снова упала на ковер. Некоторое время Франджони просто тупо сидел на краю кровати. Затем встал, подошел к висевшему на вешалке халату, извлек из кармана карточку, сел к столику с телефоном и набрал номер барлингтонской полиции.

- Меня хотят убить, - сообщил он в ответ на голос дежурного.

- Назовите ваше имя и адрес.

Он назвал. Ночью он догадался сделать это сразу, но теперь его мысли были спутаны, как после хорошей пьянки.

- Кто-то угрожает вам в данный момент?

- В данный... нет. Это газета. Там сказано, что завтра... Но он проник в мой дом. Возможно, он и сейчас здесь, - Томас оглянулся по сторонам, хотя, конечно, не увидел ничего, кроме привычных стен спальни.

- Кто проник в ваш дом? Пожалуйста, выражайтесь точнее, сэр.

- Курьер. Я думаю, это курьер. Тот, кто разносит газеты.

- Газетный курьер проник в ваш дом и угрожает вам убийством? - в голосе полицейского звучал нескрываемый скепсис.

- Он принес мне газету, пока я спал!

- Это его работа, не так ли?

- Нет! Я отписался! - тут Франджони сообразил, что говорит совершенно не о том и выглядит идиотом. - Послушайте, на самом деле...

- Мистер Франджони, вы ведь уже вызывали полицию этой ночью? - перебил его дежурный, вероятно, сверившийся с записями. - И побывавший у вас офицер не нашел ничего подозрительного.

- Да! - Томас словно поймал ускользавшую мысль. - После того, как ваш офицер отдал мне газету...

- Так это был не курьер?

- Дайте мне рассказать по порядку! - взорвался Франджони. - Офицер подобрал ее на крыльце и отдал мне. Я сразу же выбросил ее в мусор! А утром, когда я проснулся, она лежала рядом с моей кроватью! И в ней написано, что завтра я умру!

- В сегодняшней газете? В "Барлингтон Бюллетень"?

- Именно так! Ваш офицер сказал, чтобы я звонил, если найду доказательства! Так вот приезжайте и посмотрите! Это чертово доказательство валяется у меня под кроватью! Наверное, еще с отпечатками пальцев! Он ведь еще обвел это кровью или не знаю чем!

- Вы хотите сказать, что в газету была вложена записка с угрозами, или надпись на полях...

- Нет, черт побери! Это напечатано в разделе некрологов! В правом нижнем углу!

- То есть газета опубликовала ошибочное известие о вашей смерти? В таком случае, при чем тут курьер?

- В последние дни "Бюллетень" вообще публикует черт-те что! - Томас закашлялся, затем заговорил спокойнее: - Скажите, в ночь на Хэллоуин в городе были убийства?

- Вам что-то известно об этом? - в голосе полицейского впервые обозначился интерес.

- Только то, что я прочитал в "Бюллетене". Так вы хотите сказать... - Франджони снова почувствовал разливающийся в животе холод, - что это правда?

- Да, прямо на Мэйн Стрит был обнаружен труп неизвестного. Скорее всего, бездомного. Судя по всему, он пролежал на виду всю ночь, но никто не обратился в полицию - его, очевидно, принимали за манекен к Хэллоуину. Только утром хозяин, выгуливавший собаку, понял по поведению своего питомца...

- И... он был сильно изуродован?

- Эту информацию мы в прессу не давали. Откуда вы знаете?

- И... это был только один труп? - продолжал допытываться Франджони.

- А сколько их, по-вашему, должно было быть?

- Восемнадцать, - пробормотал Томас.

- Что? Мистер Франджони, я беседую с вами вполне официально, так что воздержитесь от шуток!

- Да какие там шуточки! Говорю же, я прочел это в "Бюллетене"! Это и многое другое! Приезжайте, и я покажу вам все эти номера - и сегодняшний, и предыдущие!

- Ну хорошо, мистер Франджони, - сказал полицейский после короткой паузы. - Я направлю офицера побеседовать с вами. Надеюсь, на сей раз вы предъявите что-то более

убедительное, чем прошлой ночью.

В этот раз, однако, ждать полицейского пришлось гораздо дольше. Франджони сидел в кресле, периодически кидая мрачные взгляды на валяющуюся на полу газету (он к ней больше не притронется - пусть это делает коп со всеми предосторожностями, с которыми полагается обращаться с уликой) и думая со злобой, что, зная он, как затянется ожидание, успел бы позавтракать. Впрочем, на самом деле есть совершенно не хотелось. Спуститься в подвал за тапком он тоже так и не решился (он говорил себе, что не делает этого потому, что боится не услышать полицейского), а посему сунул ноги в летние парусиновые туфли.

Наконец в дверь громко постучали. Томас ждал этого стука и все-таки вздрогнул так, что едва не подпрыгнул на сиденье.

При свете дня черно-белый "форд" возле дома и фигура в черной униформе на крыльце смотрелась куда более буднично, чем ночью, да и сам полицейский был, конечно, другой: лет пятидесяти с чем-то, с несколькими лишними фунтами на талии и с лицом скорее добродушным, нежели строгим или деловитым. Такие лица обычно бывают у докторов, работающих с маленькими детьми - "ну-с, Томми, что у нас болит?"

Однако в руке он держал газету.

- Мистер Франджони?

Томас ощутил нечто вроде дурного déjà vu.

- Что это? - прохрипел он, указывая на бумажную трубку в руке копа.

- Это сегодняшний "Барлингтон Бюллетень", сэр. И знаете что? Там нет никакого некролога с вашим именем.

- Как это нет?

- Взгляните сами.

Офицер развернул перед ним газету на нужной странице. Томас сразу же ткнул пальцем в правый нижний угол:

- Вот же он!

- Здесь написано, - коп развернул газету к себе, - "Тобиас Брандони, 74, 30 октября 2013 отправился к нашему Владыке..." Ваша фамилия ведь не Брандони, не так ли?

- Нет... я... - он попытался всмотреться туда, куда тыкал толстый полицейский палец, но буквы расплывались и прыгали перед глазами. - Мне нужны очки!

- Да, конечно. Можете сходить за ними.

- Заходите! - Томас отступил назад. - Я покажу вам!

Коп последовал за ним через прихожую и жилую комнату в спальню. Франджони отыскал очки, дрожащими пальцами напялил их на нос, вновь повернулся к полицейскому, который невозмутимо ждал, держа наготове газету.

"Тобиас Брандони, 74, 30 октября..."

И дата тоже нормальная, а вовсе не будущая.

- Нет, - затряс головой Франджони. - Я не мог так ошибиться.

- Ну, отчего же не могли, сэр, - офицер все так же излучал спокойное добродушие. - Всякое бывает. Тем более, у вас ведь не очень хорошее зрение...

- Вот! - Франджони повернулся, обличаяюще указывая на газету на полу. - Посмотрите вот здесь! И оно еще обведено!

Полицейский подошел к кровати и не без некоторого усилия нагнулся.

- Я понял! - вещал Томас, обращаясь к его спине. - Он специально напечатал такую газету, чтобы напугать меня! Сейчас ведь любой может напечатать, что угодно... И предыдущие номера, наверное, тоже... (Коп распрямился со второй газетой в руках; он и не подумал надеть перчатки или взять ее через пластиковый пакет.) Ну? Вы видите?

- Вижу что?

Франджони подошел к нему.

"Тобиас Брандони..."

И никакого кровавого кольца вокруг.

- Это не та газета. Это та, что вы принесли.

- Нет, та - вот, а эта ваша. В любом случае, можете сравнить их обе.

Томас остолбенело переводил взгляд с одной газеты на другую.

- Я понял! - вновь воскликнул он. - Специальная краска, которая со временем становится бесцветной! Я видел такое в кино про мошенника, который подписывал такой ручкой чеки...

- Как насчет текста, мистер Франджони? Вы ведь не хотите сказать, что ваше имя было вписано ручкой? И потом, даже если напечатать один текст поверх другого, нижний все равно будет виден, и получится мешанина, не так ли?

- Я... - Томас не знал, что сказать. - Я покажу вам прошлые номера!

Он метнулся к мусорной корзине. Не церемонясь, вышвырнул на ковер бумажную упаковку из-под молока, рекламу пиццерии с доставкой, банку из-под сардин, бумажную салфетку...

Газеты не было.

- Я выбросил ее сюда! - бормотал Франджони. - Там было... про восемнадцать зверских убийств... и еще контейнер на крыльце, там должен быть предыдущий номер... про жертвоприношения... я хотел, чтобы мусорщики забрали это, но он раскидал весь мой мусор... - тут Томас задумался, а клал ли он обратно в контейнер ту газету, когда убирал учиненный на Хэллоуин разгром? Кажется, нет... та газета была ему так неприятна, что он бы запомнил... но, похоже, тем утром она просто исчезла.

- Мистер Франджони...

- Ну конечно, он забрал их все! И с крыльца, и из корзины! Одну положил мне под кровать, а остальные унес! Я же говорю, он проник в мой дом!

- Мистер Франджони, - коп был само терпение. - Если, по-вашему, некий злоумышленник, желающий вас убить - так? - проник в ваш дом, когда вы спали - не оставив никаких следов, замечу - то отчего же он не причинил вам никакого вреда?

- Он оставил! Он причинил! Некролог...

- Но мы ведь уже разобрались с некрологом, не так ли? Вы, должно быть, не вполне проснулись, когда...

- Но другие газеты точно были! Богом клянусь! Иначе разве я стал бы отписываться? Я читал "Бюллетень", сколько себя помню...

- Мистер Франджони, вы ведь не злоупотребляете алкоголем? Думаю, что нет. Я видел на своем веку достаточно пьяниц, и вы на них не похожи. Ну а употребляли ли вы в последнее время наркосодержащие препараты?

- Вам не кажется, что я уже староват для хиппи? - огрызнулся Томас.

- Я не имею в виду нелегальные наркотики. Я говорю о лекарствах. Подумайте хорошенько.

- Да, - вынужден был признать Франджони. - В последние дни из-за всей этой чертовщины мне пришлось пить снотворное и успокоительное. Хотя вообще я стараюсь обходиться без них.

- Ну вот видите, - констатировал коп тоном доброго учителя, наконец добившегося толка от туповатого ученика, - у них бывают весьма своеобразные побочные эффекты, а раз для вашего организма они непривычны, ничего удивительного, что эти эффекты только усилились. Не советую вам в таком состоянии садиться за руль.

- Я не водил уже больше года, - пробурчал Франджони.

- Вот и хорошо, - коп явно сделал движение в сторону выхода, затем посмотрел на две газеты, которые снова свернул, но все еще держал в руке. - Если хотите, я заберу их с собой, чтобы вам опять не показалось, что они мистическим образом появились или исчезли.

- Вас даже не интересует, откуда я знаю о жестокости убийства на Хэллоуин? - предпринял отчаянную попытку Франджони. - Вашего коллегу на телефоне это заинтересовало.

- Думаю, вы слышали от кого-то из соседей, - невозмутимо ответил офицер. - Этого не было в прессе, но тот парень, что нашел труп, хоть мы и просили его держать рот на замке... к тому же тело могли видеть и другие, но они не вызвали полицию...

- Я прочитал об этом в газете. Той, что исчезла. Точнее, не об этом, - Франджони понял, что его слова вновь звучат как бессвязная чепуха, и заторопился: - Там было написано про восемнадцать зверских убийств, но не бомжей. Все это были жители города. А может быть... - вдруг задумался Томас, - этот убитый все-таки местный? Просто так изуродован, что его не смогли опознать? Вы все еще не выяснили его личность?

- Нет, - покачал головой коп, - и теперь уже едва ли выясним. Поэтому мой коллега понадеялся, что вам и впрямь что-то известно. Но, я так понимаю, все эти убийства вам просто приснились.

- Что значит "едва ли выясним"? - уцепился за его слова Франджони.

- Хмм... - коп поглядел на него с сомнением, возможно, сожалея, что сказал лишнее, но затем все же ответил: - Странная штука вышла с этим трупом. Вчера его, как положено, отвезли в морг... а сегодня ночью он оттуда пропал.

- Пропал? Вы хотите сказать, что кто-то выкрал труп из морга?

- Ну, если только он не сам оттуда ушел, - широко улыбнулся коп, но Томасу это совсем не показалось смешным. - Сработано чисто, никаких следов взлома...

- Вот! - возликовал Франджони. - Как и у меня дома! А вы не верите, что ко мне кто-то забирался!

- Ну у вас-то ничего не пропало... если не считать никогда не существовавшей газеты, якобы написавшей про восемнадцать убийств. У нас тут, знаете ли, не Детройт, да и там такое бывает вряд ли.

- На вашем месте я бы все же допросил курьера, доставляющего эти газеты, - упрямо произнес Франджони.

- Я говорил с ним, - ответил полицейский все так же невозмутимо. - Это самый обычный студент, подрабатывающий по ночам. На вашем маршруте он всего второй день. И он сказал, что не доставлял вам газету вчера, потому что вы отписались.

- Но вот же она у вас в руке!

- Значит, парень ошибся, только и всего. Он еще слишком плохо знает маршрут, вы же понимаете.

- А кто работал до него, вы выяснили?

- По тому телефону, что мне дали в газете, отвечает автомат, что такой номер не существует. Вероятно, с первого числа тот парень решил сменить не только работу. В любом случае, у нас нет оснований его разыскивать. Ничего противоправного за ним не числится... Ладно, мистер Франджони. Будьте осторожней с этими лекарствами и не смотрите на ночь всякую дрянь по телевизору. А если вам опять что-то покажется, я бы на вашем месте побеседовал с доктором. Просто, ну, знаете, насчет побочных эффектов. Хорошего вам дня, сэр.

Значит, это все-таки правда, с тоской думал Франджони, глядя на закрывшуюся за копом дверь. Уволенный или уволившийся курьер действительно был. И никто теперь не знает, где его искать.

Он сам найдет, кого надо.

Франджони помотал головой, пытаясь отогнать эту мысль, но она не уходила. Что мы вообще знаем о людях, осуществляющих ночную доставку? Газетчики, молочники... (сейчас молочников уже нет, но Франджони хорошо помнил времена, когда они с Марджори каждое утро находили на крыльце бутылку молока). В отличие от почтальонов, с которыми мы время от времени встречаемся лицом к лицу, расписываясь в получении ценной посылки, этих людей мы

не видим вообще никогда. Они приходят из тьмы и уходят во тьму, пока мы спим. Мы не думаем о них до тех пор, пока они не подают поводов для жалоб. И нам не приходит в голову, что *они* думают о нас. Мы считаем (Франджони всегда так считал), что они должны быть благодарны нам - ведь благодаря нам они имеют работу! Но... (Франджони впервые задумался об этом) они работают для нас семь дней в неделю, без выходных и праздников (напротив, по выходным их работа самая тяжелая - из-за рекламных приложений каждая воскресная газета весит чуть ли не два фунта), в любую погоду - в ливень, в мороз, в снегопад, и даже когда с юга доползают осенние ураганы и в Барлингтоне объявляют штормовое предупреждение, закрывают все офисы и просят не выезжать на дорогу никому, кроме машин экстренных служб - даже тогда газетчики не освобождаются от своих обязанностей и к утру доставляют "Бюллетень" всем, словно ничего не случилось... И никто им не доплачивает за работу в таких условиях - иначе возросла бы и цена подписки, а она от погоды не зависит.

Разве не естественней ожидать от них не благодарности, а ненависти? Ну, по крайней мере, от некоторых из них...

Надо было дать ему чаевые, подумал Франджони. Но теперь уже поздно. Он отписался и не сможет сделать это по телефону, как полагается. Можно, конечно, просто положить деньги в конверт и оставить на крыльце. Сколько? 5 долларов? Нет, смешно, конечно. 10? 20?

Если ему и в самом деле угрожают убийством, он действительно надеется откупиться двадцаткой?

Ну а сколько тогда? Не сотню же! Он, в конце концов, небогатый человек, живущий на одну пенсию...

Франджони попытался вернуть своей голове способность рассуждать здраво. Какая угроза убийством? Ведь некролога не было, ему просто померещилось, и полицейский весьма логично объяснил причину... Да, но предыдущие номера? Они тоже померещились? Ведь он начал пить таблетки после, а не до!

Мне уже никто не поверит, с тоской подумал он. Полиция теперь считает его старым маразматиком и больше не придет, даже если его будут резать прямо тут...

А может, просто уехать из города? Всего на пару дней, и не обязательно далеко, хотя бы в соседний город. Просто переждать третье ноября. Никаких родных и друзей, у которых можно было бы погостить, у него, правда, нет, придется останавливаться в гостинице, а это тоже деньги... Да и, в любом случае - он посмотрел на часы - "Грейхаунд" уже ушел. Есть еще местные автобусы, циркулирующие между несколькими соседними городками, но они ходят только по будням, а сегодня суббота. Собственный же "олдсмобиль" Франджони уже второй год стоял на подъездной дорожке со спущенными шинами, севшим аккумулятором и истекшей страховкой - после того, как Томас въехал задом в чужой джип, разворачиваясь на парковке перед "Волмартом". Повреждения были минимальны, но желание ездить у Франджони с тех пор пропало. Барлингтон - маленький городок, можно или заказать доставку по телефону, или пройти пешком... в его возрасте ходить полезно...

Еще по телефону можно заказать такси. Но это значит потратить еще кучу денег.

Нет, к черту. Никуда он не поедет. Никакой хулиган с большим чувством юмора, печатающий фальшивые газеты, не заставит его сбежать из собственного дома!

И все же, неожиданно для себя самого, он вновь направился к телефону. Но позвонил вовсе не в службу такси.

Трубку у соседей сняла Эмма.

- Как ты сегодня, Том?

- Так себе. Я только хотел спросить, Тони так и не вернулся из... Кентуки? - его посетило еще одно озарение в стиле сыщиков из сериалов.

- Из Канзаса, - не поддалась на провокацию Эмма. - Нет, еще нет. Кажется, его кузену стало хуже.

- Жаль это слышать. А как дети?
- А что дети? - в голосе Эммы ему почудилась некая напряженность.
- Ну... весело провели Хэллоуин?
- Конечно. Оттянулись вовсю, как это у них говорится. А у тебя точно все в порядке,

Том?

- Почему ты спрашиваешь?
- Видела, как к тебе приезжала полиция.
- Да... мне показалось, что кто-то проник в мой дом. Возможно, - натужно усмехнулся

Франджони, - это был енот.

- Полиция тебе не поможет, Том.
- Что ты сказала? - резко переспросил Франджони.
- Я говорю, от этих полицейских никогда не дождешься помощи, когда она

действительно нужна. Он ведь никого не поймал, так?

- Я же говорю, мне просто показалось, - сердито пробурчал Томас.
- Осторожнее с енотами, Том. Они могут больно укусить. Береги себя.
- Ты тоже, - проворчал Франджони, кладя трубку.

Надо поменять замок, подумал он. Показалось ему или нет, просто сделать это для спокойствия. Вызвать мастера... вот только откуда? Сегодня суббота, никто не работает...

Магазины, впрочем, работают. Можно заказать замок с доставкой и поставить его самому. Не такая уж сложная работа, когда-то давно он это проделывал...

Он открыл увесистый том "Желтых страниц" и отыскал телефон магазина "Все для дома".

- "Шиллер" пишется, как германский поэт? - уточнил молодой голос, принимавший заказ.

- А что, у нас в городе есть еще какие-то улицы Шиллера? - огрызнулся Франджони.

- Простите, сэр, я в городе совсем недавно, - откликнулась трубка. - Ваш заказ будет доставлен в течение пары часов.

Могли бы и побыстрее, раздраженно подумал Томас. Тут пешком сорок минут идти. А то, видите ли, в поэтах они разбираются... Сам он всю свою жизнь, проведенную на этой улице, полагал, что Шиллер - это германский композитор, так же, как Бах, Бетховен и Моцарт, в честь которых были названы соседние улицы. Ну и ладно. По крайней мере, он знал, что это кто-то из области искусства. Внуки Эммы, небось, вообще убеждены, что Бетховен - это сенбернар.

Франджони попытался вспомнить, где лежат инструменты, которыми он не пользовался уже много лет. Ответ напрашивался. В подвале, где же еще. Значит, спускаться туда все-таки придется. Ну конечно, придется, тут же сказал он себе. Он что - собирался отныне избегать подвала собственного дома до конца жизни?

До конца жизни, да. Не самая приятная формулировка.

Ничего с ним внизу не случится. К тому же сейчас день. *И еще не третье число.*

Все же он принял меры предосторожности. Распахнув дверь в подвал, подпер ее изнутри стулом. Так она точно не захлопнется, и, даже если лампочки опять погаснут, дневной свет все же будет проникать сверху. Включая свет, он на сей обратил внимание на положение переключателей. Вверх до упора. Впрочем, он по-прежнему был уверен, что и ночью не оставил их в среднем положении...

Не ограничившись и этим, он положил в карман халата фонарик, предварительно проверив, не сели ли батарейки. Затем он принялся спускаться, прислушиваясь после каждого шага - но слышал лишь приглушенные звуки, доносившиеся с улицы. Нормальные дневные звуки - шум машин, чириканье птиц, в какой-то момент - детский визг, но явно радостный, а не испуганный.

Наконец Томас оказался в самом низу. Здесь уже дневной свет был практически

незаметен на фоне электрического, но все равно, осознание, что сейчас - день, заставляло воспринимать ту же самую картину совершенно по-иному. Франджони чуть не рассмеялся своим страхам. Обыкновенный пыльный подвал, заставленный всяким хламом. Ничуть не похожий на какое-нибудь готическое подземелье с прикованными скелетами. Вон и книги валяются там же, где он их бросил, и тапок... и плащ, точно, и в самом деле висит там, где ему в темноте мерещилось черт-те что...

Точнее, это не плащ. Это старое пальто Марджори. Впрочем, какая разница?

Но что-то ведь поцарапало дверь, а, Том? Ты же это *слышал*.

Франджони сердито тряхнул головой. Обведенный некролог он тоже видел, а оказалось... Наверное, ему стоит и в самом деле сходить к врачу. Внезапно его вновь обдало холодом изнутри: а что, если это первые признаки болезни Альцхаймера? Вот что по-настоящему страшно, а не всякая мистическая чушь... Но нет, Альцхаймер - это утрата памяти и умственных способностей, а вовсе не галлюцинации. Ладно, надо скорее брать то, за чем он пришел, а не стоять тут, запугивая самого себя. Где же эти чертовы инструменты? Должен быть такой деревянный ящик с ручкой... ага, кажется, вот он, в углу.

Франджони направился в угол, на сей раз внимательно следя, чтобы не влезть в паутину. Это ему благополучно удалось, но, когда он высвободил ящик из-под стопки старых журналов (сколько здесь все-таки хлама, который давно надо было выкинуть - то же пальто, к примеру!) и уже взялся за ручку, откуда-то из-под отверток и пассатижей вдруг выскочил здоровенный бурый таракан и быстро перебежал со стенки на ручку, а оттуда на руку Томаса. Тот вскрикнул и дернул рукой, припечатывая насекомое к стене подвала, но на сей раз не выронил ящик, как книги ночью; инструменты глухо лязгнули, когда ящик ударился о стену. Франджони брезгливо посмотрел на тыльную сторону кисти, ожидая увидеть там раздавленного таракана, но не увидел ничего. Неужели ему опять померещилось? Кажется, он и впрямь сходит с ума... Нет, не может быть. Он все еще чувствовал кожей мерзкое прикосновение тараканьих лапок. Наверняка насекомое просто упало куда-то вниз, в темноту...

Ладно, скорее прочь отсюда, пока на него еще кто-нибудь не заполз. Франджони, кряхтя, подобрал тапок и бросил его в ящик поверх инструментов, а заодно собрал с пола несколько книжек - столько, сколько мог унести в одной руке. Затем стал подниматься по лестнице, подсознательно ожидая, что дверь вот-вот захлопнется, несмотря на стул. И если этот стул полетит вниз по ступеням и ударит его по ногам - сейчас, когда обе его руки заняты...

Но ничего подобного не произошло. Оказавшись наверху, он бросил последний взгляд вниз, в глубину подвала, и, не заметив ничего подозрительного, погасил свет. Потом закрыл дверь и некоторое время стоял возле нее. Изнутри так и не донеслось ни звука.

Но было что-то другое, вызывавшее его беспокойство, и Томас понял, что именно: запах. Тяжелый запах гнили и плесени... "словно из разрытой могилы", подсунула память типичный штамп, хотя Франджони никогда не видел - и не нюхал - разрытой могилы. Не свежевыкопанной ямы, которой только предстояло стать могилой - этого-то он за свою жизнь навиделся достаточно, в последний раз - семь лет назад, а именно могилы, чье неприглядное содержимое потревожила лопата гробокопателя. Так что, может быть, это просто затхлый воздух подвала... или туда и в самом деле пробралась и сдохла какая-нибудь крыса?

Но он уже отошел далеко от двери в подвал, а вонь, казалось, только становилась сильнее. В какой-то миг Томасу показалось, что она исходит от него самого. Словно он гнил заживо... или *уже* был трупом.

Затем он понял. То неприятное чувство, которое он испытал, прикоснувшись к газете два дня назад... его пальцы ощущали это и сейчас. Пальцы, державшие книги. Обложки были сырыми и липкими. Он, должно быть, не заметил это сразу, поскольку был слишком возбужден...

Он как раз проходил мимо кресла, так что поставил инструменты на пол и уселся с

книгами в руках. В дневном свете он сразу заметил то, на что не обратил внимания при тусклой подвальной лампочке - яркие обложки были в разводах и пятнах какой-то липкой гадости. Неудивительно, что они склеились там, в ящике. Когда палец отрывался от этой дряни, за ним тянулись белесые нити. Франджони брезгливо оттянул большим пальцем края страниц верхней книжки и попытался быстро пролистать их. У него не получилось. Страницы все были изъедены какой-то злокачественной черной плесенью, превратившей их в сырую губчатую массу. Зловоние исходило именно от них.

Франджони вскочил, кривясь от отвращения. Со всей возможной поспешностью он сходил за мешком для мусора, а потом вышел на крыльцо и выбросил книги в мусорный бак. Не в желтый ящик для переработки, а в черный бак, словно это было гнилое мясо. Затем, наверное, минут десять тер с мылом руки.

Что же это за дрянь? Он никогда не видел подобной плесени на бумаге, даже отсыревшей. Да и в подвале вроде бы было вполне сухо... Надо все-таки устроить там генеральную ревизию и выкинуть все никуда не годное барахло. А потом, возможно, вызвать санобработку. Хотя это тоже деньги, конечно...

Едва он завернул кран, раздался громкий стук в дверь. Франджони вздрогнул. Сговорились они, что ли, все не пользоваться звонком? Его звонок тренькал мелодично и деликатно, а стук... стук всегда звучит грубо и угрожающе, даже если это всего лишь почтальон, доставивший давно ожидаемую посылку.

Но это был не почтальон. Это был парень с желтым пакетом "Все для дома" в руках. Несмотря на то, что на улице было не так уж холодно - напротив, впервые за несколько дней выглянуло солнце, и уцелевшие еще красные и оранжевые листья на деревьях вдоль Шиллер Стрит горели прощальным огнем - лицо посыльного было замотано шелковым шарфом по самые глаза.

- Ваш заказ, сэр, - глухо донеслось из-под шарфа. - Распишитесь здесь.

Он протянул Томасу пакет, прижимая к нему пальцем квитанцию, и ручку. Франджони протянул руку, но посыльный разжал пальцы за долю секунды до того, как он взял ручку, и та упала на крыльцо.

- Упс, извините, - посыльный нагнулся, подбирая ручку. Когда он снова выпрямился, шарф соскользнул с его лица.

Франджони невольно отпрянул. На него смотрело чудовище. Носа и всей середины лица у посыльного просто не было. На этом месте зияла неправильной формы яма с багровыми складчатыми краями. Причем эта дыра не была черной, как у черепов на картинках; внутри хорошо была видна розовая задняя стенка этой жуткой пещеры, доходившей, как показалось Франджони, чуть ли не до затылка. Он никогда не представлял себе, что в голове живого человека не в ироническом, а в буквальном смысле может быть столько пустого места.

- Я понимаю, на что вы смотрите, - сказал парень. - Это была злокачественная опухоль. Доктор сказал, мои шансы были не больше 5%. Мне повезло.

"Не уверен, что это можно назвать везением", - подумал Франджони, все еще чувствуя оторопь, но вслух лишь пробормотал: - Извините.

- Это вы меня извините. Не хотел вас пугать, - сказал посыльный, не спеша, однако, вернуть шарф на место: он по-прежнему протягивал Франджони ручку и пакет.

Томас сумел, наконец, оторваться от жуткого зрелища и торопливо расписался.

- Спасибо, - сказал он, забирая пакет.

- Пожалуйста. Хорошей вам ночи, - посыльный повернулся и пошел к своей машине.

"Почему ночи?" - подумал Франджони, глядя ему вслед. "Ведь еще день!" Впрочем, некоторые люди желают доброго дня уже вечером, почему бы кому-то не поступать и наоборот...

Но подготовиться он собирался именно к ночи. Хотя в некрологе ничего не говорилось о

времени суток, да и самого некролога, разумеется, не было...

Поменять замок оказалось сложнее, чем он ожидал; он провозился добрых полчаса. Однако в итоге удовлетворение сделанной работой (да еще вкупе с солнечной погодой) заметно улучшило его настроение; страхи, из-за которых он, собственно, эту работу и затеял, вновь стали казаться ему глупостью. Он даже немного прогулялся (погода оказалась не только солнечной, но и ветреной, но это даже бодрило), а вечер, как обычно, провел перед телевизором. Субботний эфир радовал разнообразием легких развлекательных программ, и Томас переключался с комедии на сериал, а потом на ток-шоу, до тех пор, пока не задремал прямо перед экраном.

Его разбудила яркая вспышка. Франджони открыл глаза, но вокруг снова была полная темнота. Телевизор не работал, хотя Франджони не помнил, чтобы выключал его. Более того - он понял, что не видит и красного глазка питания. За окнами шумел дождь. Как видно, погода опять испортилась.

Франджони тяжело поднялся из кресла, страдальчески разминая затекшую шею и массируя спину тыльной стороной кисти, и прошаркал в сторону выключателя на стене. Рычажок щелкнул под пальцами, но свет не зажегся, подтвердив его подозрения. Электричества не было.

Снова ярко сверкнуло. Гроза, понял он. Это гроза. Явление не особо частое для начала ноября в штате Нью-Йорк, но и не так чтобы небывалое. И, наверное, где-нибудь повалило дерево на провода. Значит, и холодильник не работает... скверно. Насколько быстро они все починят в ночь с субботы на воскресенье? Небось, до утра даже не пошевелиятся...

Но где же гром? При таких ярких вспышках он должен следовать за молнией почти сразу. Однако секунды текли за секундами, а Франджони не слышал ничего, кроме шума дождя. Затем он услышал приближающуюся машину.

Обычный звук, на который горожанин - даже живущий на тихой улочке вроде Шиллер Стрит - почти никогда не обращает внимания. Томас, наверное, тоже не обратил бы, если бы не вслушивался в темноту.

И если бы это не было третье ноября. Он не видел часов, но не сомневался, что полночь уже миновала.

Это он, тоскливо подумал Франджони. Курьер. Он приехал за мной.

Рациональная часть его сознания, конечно, ответила, что это чушь, и что машина сейчас проедет мимо. Она может принадлежать кому угодно... может, даже и в самом деле курьеру, но не тому, а мальчишке-студенту, который едет по своему маршруту и, конечно, проедет мимо, потому что Томас Франджони отписался...

Звук машины оборвался напротив его дома.

Франджони похолодел. Может быть, конечно, это вовсе не к нему, а к соседу напротив... выписывает ли тот газету? Сколько нужно времени, чтобы кинуть ее на крыльцо? Уж наверное меньше минуты. Пусть, пусть он уже уедет... пусть даже кинет свою чертову газету через щель сюда, только потом убираться!

Но минуты текли, а ничего не происходило. На улице по-прежнему было тихо, если не считать шелеста дождя. Машина явно стояла там. Стояла и ждала. Томас даже не слышал, чтобы хлопала дверца.

Он прокрался в темноте к телефону. Снял трубку, понятия не имея, какими словами будет убеждать полицию. Но убеждать не пришлось. В трубке была мертвая тишина. Связи не было точно так же, как и электричества.

"Господи помоги мне, он перерезал провод", подумал Франджони. И тут же сердито возразил себе, что нет, это все авария из-за грозы... и вообще, может быть, ему показалось, что машина остановилась, а на самом деле она давно уехала....

Стараясь двигаться как можно беззвучнее, он направился в сторону прихожей. Дабы выглянуть в окно, выходящее на улицу. Ну и заодно проверить, хорошо ли заперта дверь - хотя он был уверен, что запер новый замок на два оборота.

Когда он был уже в паре шагов от окна, снова сверкнула молния (или зарница, раз уж грома не было слышно?) Франджони отпрянул, не желая, чтобы в этой вспышке его увидели снаружи - хотя едва ли это было возможно. Затем вновь осторожно приблизился и посмотрел на улицу.

Как он и ожидал, света не было по всей Шиллер Стрит. Но темнота не была абсолютной - наверное, какой-то свет снизу все же отражался от туч. Так что глаза Томаса, уже привыкшие к темноте, различили черный силуэт автомобиля чуть левее крыльца. Машина стояла с погашенными фарами и без света в салоне.

Но не это было самым худшим. В следующий миг взгляд Франджони скользнул правее - и его дыхание перехватило, а ноги стали ватными. На крыльце кто-то стоял. Черная безмолвная фигура. Не шел к двери, а просто стоял неподвижно под проливным дождем - и вот это-то было страшнее всего.

Франджони смотрел на него, не в силах пошевелиться. Он не видел лица ночного визитера, но был почти уверен, что и тот, в свою очередь, смотрит на него, каким-то непостижимым образом различая сквозь окно в глубине погруженного в полный мрак здания...

А затем сверкнула вспышка, заставив Франджони дернуться от ужаса - и тут же испытать безмерное облегчение.

В ярком белом свете он отчетливо различил черно-белую раскраску машины, надпись "Полиция Барлингтона", значок, сверкнувший на черной форме - и, главное, лицо. Это был тот же офицер, что приезжал к нему прошлой ночью. Видимо, полиция все же нашла какие-то доказательства и поняла, что он не сумасшедший. Может, даже арестовала того типа. Хотя, наверное, нет, в этом случае визит можно было бы отложить до утра... Наверное, полицейского просто прислали последить за домом и удостовериться, что тут все в порядке.

Но если ему нужно в этом удостовериться, переговорив с хозяином, почему он не пытается войти? А если просто наблюдает за домом, почему не делает это из машины, а стоит под дождем на крыльце?

Впрочем, сейчас уже Томас не был уверен, что коп все еще стоит там: после вспышки его глаза вновь на какое-то время потеряли способность различать что-либо в темноте. Зато облик сверкнувшего на миг лица все еще стоял перед глазами... и тут Франджони вспомнил, где именно он видел это лицо. Вовсе не в патрульной машине и даже не в магазине. В газете. В "Барлингтон Бюллетень". Не в безумных последних номерах, а еще во вполне нормальных - не то в конце прошлого года, не то в начале этого. Там была большая статья, посвященная 150-летнему юбилею барлингтонской полиции. И в этой статье были портреты всех полицейских, погибших при исполнении своих обязанностей за эти полтора века. Их было не так много, меньше десятка - Барлингтон и в самом деле не Детройт.

Этот круглолицый парень был мертв уже тридцать лет. Его застрелил какой-то заезжий псих, устроивший дебош в гостинице в начале восьмидесятых.

"Это его сын!" - метнулась спасительная мысль. Сын пошел по стопам отца, и не удивительно, что они похожи...

Снова свернуло - и уже не единичной вспышкой, а целым полыхающим каскадом. И в этих мерцающих вспышках Франджони неожиданно увидел лицо копа прямо перед собой. Тот уже стоял перед окном, практически прижимаясь лицом к стеклу и глядя в упор на Томаса. Франджони впервые сообразил, сколь тонка и ненадежна разделяющая их преграда. Высадить окно, на которое, конечно, в тихом Барлингтоне никто не ставил решеток - это гораздо проще, чем взламывать дверь с его новеньким замком...

Но не это было самым худшим. Он видел капли дождя, стекавшие по этому белому

лицу... и в следующий миг понял, что это не просто дождь. Стекало *само лицо*. Его плоть словно разлагалась на глазах - в десятки раз быстрее, чем это происходит в самой сырой могиле. Нос полицейского пополз вниз и отвалился, обнажив неправильной формы дыру с багровыми краями. И прежде, чем последний отсвет зарницы угас, вновь погрузив все в непроглядную тьму, Томас понял, что видит перед собой уже не копа, а посыльного, доставившего замок.

Франджони шарахнулся назад и едва не упал, запнувшись о задник собственного тапка, но все-таки чудом сохранил равновесие.

- Мистер Франджони! - донеслось из-за двери. - Получите то, на что подписались, мистер Франджони!

Голос звучал то как у полицейского, то как у посыльного, а то как голос, который Томас слышал в ночь Хэллоуина.

- Уходи! - завопил Франджони, к которому, наконец, вернулся дар речи. - Убирайся!

Что-то заскребло и зашуршало - уже не снаружи, а внутри прихожей. Звук исходил снизу.

"Газета", - подумал Томас, продолжая пятиться. "Он просовывает в щель газету. Ладно, пусть делает это, только бы потом..."

В этот миг позади протяжно скрипнула, открываясь, дверь подвала.

Франджони застыл на месте. В другое время он бы мог еще подумать что-то о сквозняке - но не после того, что он только что *видел*.

Скребуще-шуршащие звуки поднимались все выше - словно газета сама ползла вверх по двери, как паук или таракан. А затем за окнами вновь полыхнуло, и Франджони увидел, что это вовсе не газета. Это была рука, просунувшаяся в щель для почты. Щель была слишком узкой, чтобы нормальная человеческая рука могла пролезть сквозь нее, но эта рука не была нормальной. Она протискивалась внутрь конвульсивными пульсирующими движениями, словно расплющенная змея - или скорее даже щупальце, не имевшее костей - и тут же выгибалась вверх. При этом на ней *не было кожи* - она вся обдиралась о края щели, повисая белесыми лохмотьями, но владельца руки это, похоже, нисколько не смущало. Его неестественно длинные костлявые пальцы, ободранные до мышц и сухожилий, багрово блестящие, с длинными, изъеденными грибок ногтями, поднимаясь все выше, шарили по внутренней поверхности двери - очевидно, пытаясь добраться до ручки и открыть замок.

"Топор!" - метнулось в мозгу Франджони. Среди инструментов был топор... куда он поставил ящик? уж точно не обратно в подвал... но ужас парализовал его сознание, и он никак не мог вспомнить. Мозг словно крутился на холостых оборотах, пока в нем не сверкнула другая мысль: ножи на кухне!

Он повернулся, чтобы бежать туда, но его остановила вонь. Смерд, шибанувший в нос, был гораздо хуже того, что исходил от книг. И лишь в следующее мгновение Франджони различил в темноте фигуру, стоявшую на пороге комнаты и преграждавшую ему путь. Фигуру, пришедшую из подвала.

Снова каскадно засверкала зарница, и Франджони увидел ее во всех подробностях. Это была Марджори. Разложение очень сильно обезобразило ее, но он не мог ее не узнать. При жизни она страдала лишним весом, но, когда он видел ее в последний раз, больше походила на скелет, обтянутый кожей: рак - лучший сжигатель жира после напалма. Однако теперь ее плоть вновь раздулась, наполнившись соками гниения и трупными газами. Она была голой, если не считать тапок на ногах, и ее синюшно-багровая, в черных пятнах, кожа жирно блестела, словно готовая лопнуть в любой момент. Из промежности по отекившим ляжкам тек гной. Глаза превратились в белесые бельма, от губ вовсе ничего не осталось - похоже, их кто-то отъел - и Томас отчетливо увидел, как шевелятся между оголившимися деснами мелкие червячки. Но хуже всего выглядел ее живот - непомерно раздутый, с вылезшим пупком, как у женщины на последнем месяце беременности. Грубо зашитый шов от вскрытия, тянувшийся от ключиц до

пах, расходился на этом животе, и там внутри... что-то... шевелилось. Что-то бугристое, бесформенное... никак не похожее ни на младенца, ни даже на пирующих крыс. Прежде, чем последний отблеск зарницы погас, Франджони успел увидеть, как из этого разошедшегося шва высовывается нечто черное, мокрое, кривое... похожее на немыслимо уродливую ветку, обросшую губчатым лишайником... с длинным острым когтем на конце, слепо шарящим в воздухе.

Затем все вновь погрузилось во тьму.

- Том, - услышал он. У Марджори больше не было губ, в горле сипело и клокотало, а рот был словно набит вязкой кашей - но все же понять ее было можно. - Том, зачем ты унес мои книги? Мне теперь не на что отвлечься. Ты знаешь, какая это боль, ты, херов недоумок?

В последние недели своей жизни она и впрямь начала ругаться, хотя до этого всегда избегала бранных слов. Доктор говорил, что это рак. Метастазы, проникшие уже и в мозг... Что осталось от ее мозга теперь? Вообще, разве за семь лет от нее не должны были остаться только кости?

А разве не должна она лежать в земле на Риверсайд, а не стоять в нескольких футах от него?

Томас молча пятился - теперь уже от нее, обратно к входной двери, по которой шарила кошмарная рука. Он слышал этот звук, но ничего не мог поделать - вонь подгоняла его даже сильнее, чем ужас. Затем из-за спины донесся мягкий щелчок открываемого замка. Рука таки достигла своей цели.

Франджони обернулся как раз вовремя, чтобы в свете очередной вспышки увидеть курьера, стоявшего на пороге.

Его лицо теперь представляло собой просто череп с остатками волос, обтянутый клочками кожи. Причем кожаные лоскуты полностью закрывали глазницы, а также тянулись от верхней челюсти к нижней, соединяя их без всякого намека на рот и губы (хотя в вертикальных прорезах между этими лоскутами блестели зубы и десны). Одежда больше не напоминала куртку полицейского или посыльного. Это был длинный, до самой земли, широкополый кожаный плащ, сшитый из... лиц. Десятки человеческих лиц, содранные, растянутые, соединенные по краям грубыми стежками, с дырами глаз, ноздрей и словно разъявленных в вечном крике ртов...

Затем свет снова погас, превратив курьера в темный силуэт.

- Доставка, мистер Франджони, - сказала безротовое существо, причем почему-то сразу на два голоса.

- Я... - сумел выдавить из себя Томас, - не заказывал... заплатил... отписался...

- Я доставлю *вас*, мистер Франджони, - глумливо пояснил монстр, протягивая к нему обе руки, длинные и извивающиеся, словно змеи.

За спиной у Томаса шаркали тапки приближающейся Марджори.

В этот миг он вспомнил о фонаре, оставшемся в кармане после спуска в подвал. Это было последнее, чем он еще мог защититься. Конечно, маленький и легкий фонарик не годился в качестве оружия, но, может быть, свет... электрический свет нормального мира, а не эти беззвучные молнии...

Франджони выхватил фонарь и вдавил кнопку, направляя луч в безглазое и безгубое лицо, но это не произвело никакого впечатления на чудовище, продолжавшего тянуть руки к намеченной жертве. Тогда он осветил на эти руки - и понял, откуда исходили два голоса.

Кисти рук превратились в какие-то адские бутоны, которые раскрылись двумя пастями, усеянными множеством длинных и острых зубов. Эти пасти рванулись с двух сторон к лицу Томаса, и он с криком закрылся руками.

Это не остановило пасти даже на мгновение. Зубы сомкнулись, перекусывая руки Франджони - левую чуть выше локтя, правую возле самого плеча - с той же легкостью, с какой

лезвия секатора перекусывают сухую ветку. Томас услышал, как его руки падают на пол, еще до того, как волной накатила дикая боль - а затем бритвенно-острые зубы добрались до его лица.

Новый импульс адской боли разорвал его плоть. А затем в свете новой вспышки, сквозь пелену и заливающую глаза кровь, он увидел свое собственное лицо, покачивающееся у него перед глазами. Франджони заорал, срывая горло, и почти сразу же одна из рук-пастей, скользкая от его крови, нырнула в его разинутый рот. Острые зубы сомкнулись на его языке возле самого корня. Томас замер, понимая, что сейчас лишится и языка. Но у курьера были другие планы - по крайней мере, пока.

- Идемте, мистер Франджони, - сказал он, похоже, вновь отравивший рот на обычном месте. - Вы и так задержались. К тому же дети хотят поиграть. Бедняжкам не часто дают такую возможность.

Зубы, вонзившиеся в основание языка Томаса, потянули его вперед, и он покорно пошел, беспомощно мыча от боли и нелепо дергая окровавленными кульями. Струи дождя обожгли обнажившееся мясо на месте его лица, словно кислота. Дождь был *горячим*.

Затем он увидел машину, к которой его вели. В ней, конечно, уже не было ничего от полицейского "Форда". Это было какое-то дикое нагромождение уродливых, искривленных, переломанных костей, острых гребней, жвал и зубов. И удушливый смрад, исходивший оттуда, был еще хуже, чем от Марджори.

Последнее, что успел понять Франджони, прежде чем его затащили внутрь - Владыка, к которому он отправляется, вовсе не Христос. И даже не христианский дьявол.

О нет. Все гораздо хуже.

2013